

Алексей Свиридов

Звирьмариллион

МУЗЫКА АИНУРОВ

Эру Единственный, кого в Арда называли «Илуватар», был всегда. Нам неизвестно, чем он там занимался в одиночестве столь долгое время, но известно доподлинно: для него тогда не было ничего святого, потому что аинуров, первых святых, он сотворил, когда еще ничего другого не было. Повисшим в пустоте аинурам было предложено что-нибудь спеть — единственное, чем можно было заняться, и они пели сначала неумело и путаясь в словах, но потом хор наладился и собрался было затянуть «Ой, мороз, мороз», но случилось так, что Илуватар не любил русских народных песен. Он сказал им: «Я желаю, чтобы все вместе вы заделали что-нибудь этакое, чтоб душа развернулась и назад свернулась, из «Технологии» чего-нибудь, или вот «Естурдей» — тоже песенка неплохая».

И вот голоса аинуров, подобно флейтам и лютням, арфам и гуслиям, гитарам «Фендер» и синтезаторам «Ямаха», подобно бесчисленным хорам имени Пятницкого, начали петь. Никогда с тех пор не повторялся этот сейшн, хотя говорят, что еще круче можно будет оторваться на фестивале «Монстры рока» в будущем году, и тогда точно настанет конец света.

Пока же Илуватар сидел и радовался, долгое время не находя к чему придрататься, но вот Мелькор начал вплетать в музыку свои образы — пока хор со слезой упрашивал поручика Голицына не падать духом, он с присвистом орал про «Глеба Жеглова да Володю Шарапова».

Мелькору из всех аинуров были даны самые мощные усилитель и колонки, и те, кто плавал в пространстве рядом, невольно тоже подхватили истошные вопли: «Атас! Веселей, рабочий класс!». Уловив лажу, Илуватар поднялся и с отеческой улыбкой завел новую песню, и в ней была новая сила и новая красота. Но прекрасные звуки темы про белые розы в злые морозы вновь были заглушены криками: «Танцуйте мальчики, любите девочек!» — и хотя среди аинуров не было ни мальчиков, ни девочек, Мелькор вновь стал побеждать.

Тогда опять поднялся Илуватар, и лицо его было суровым. И он поднял правую руку, и возложил ее на клавиши резервного синтезатора, и среди смятения зазвучала третья тема, и ультразвук ей вторил: «В шуме дискотек слышу я твой смех...» — и печаль, и любовь были в этой песне. Но Мелькор уже добрался до последнего куплета своей песни и теперь, как заведенный, повторял: «Атас! Атас! Атас!» — и было в этом мало благополучия, но много шума и грубой мужской силы. Илуватар встал в третий раз, и лицо его было ужасно. Он поднял обе руки и со словами: «Испортил песню, дурак!», дернул рубильник и вырубил все электричество на сцене. И сказал тогда Илуватар: «Знаете что? Была у меня мысль к вашему музону цветомузыку присобачить и кордебалет созвать, но раз я какой-никакой бог, то вместо этого нате вам планету и творите на ней то же самое, что сейчас сыграли. И знайте, что поскольку я ваш в некотором смысле папа, то и все, что вы будете делать, сиречь моих рук дело. И даже то, что кто-то будет пытаться мне нагадить — не будем говорить кто, хотя это будешь ты, Мелькор, — так вот, даже это будет исключительно мне на пользу. Вот вам билеты, вот подъемные. На лиц, не отправившихся к месту работы в течение двадцати четырех часов, будет наложено взыскание. Списки вывешены. За работу, товарищи!». Эта речь ошарашила всех, а больше всего Мелькора. «Вот так, — подумал Мелькор, — стараешься, стараешься, а старикан берет и заявляет, что все к его вящей славе. Прямо руки опускаются». Но по зрелом размышлении он понял, какую великолепную индульгенцию вручил ему Эру, и с тех пор творил зло, не иначе как приговаривая: «Во славу Илуватара на веки вечные. Аминь!»

Так начался великий труд валаров в пустынных, в несчитанных и забытых эпохах, причем

Мелькор работал тоже, и в редкие дни он перевыполнял план меньше чем на десять процентов. Но делал это он исключительно в корыстных интересах, за что и был изобличен как рвач, вредитель и карьерист. После показательного суда и торжественной порки Мелькора бросили на периферию с понижением в должности. Он это поначалу стерпел, хотя и затаил в душе некую грубость, но как-то раз, заглянув через забор на стройплощадку, увидел, как валары ходят по земле в образе мужчин и женщин, красивые и величественные, и что земля стала для них садом наслаждений (в легендах не говорится — каких именно). И он напал на Арда во всем своем блеске и величии, а пламя его глаз пронизывало смертельным холодом — сами думайте, как это у него получалось, а общий вид Мелькора был схож с извергающимся вулканом Толбачик. Эльфам мало что известно о тех временах, а то, что известно, рассказывали сами валары, да и то весьма скупое и неохотно, из чего можно сделать вывод, что в этом конфликте у Мелькоровых братьев было больше поражений, о которых лучше промолчать, чем побед, о которых стоит рассказывать. Война шла на планетарном уровне, а действия противников были выдержаны в стиле воспитанников подготовительной группы детского сада, не поделивших песочницу.

О ВАЛАРАХ

*Вызывает интерес
и еще один разрез:
как у вас там бабы ходят,
в панталонах или без?*

Величайших среди духов эльфы знают как валаров, а более грубые народы (например, люди) запросто зовут их богами. Их семеро, и семеро же валиер, королев валаров, но разница между валаром и валаршей иная, чем между мужчиной и женщиной, и поэтому многочисленные похабные анекдоты из валарской жизни мы отмечаем как несуразные. Мелькор числился в валарах недолго, и поэтому в кратком курсе истории Валар, Которые Пели Бытие (ВКП(б) его имя обычно опускают.

Манве и Мелькор были близнецами, но Манве в более хороших отношениях с папой. Он общий правитель, повелитель, а в качестве хобби — покровитель служб воздушного движения. Пока же сеть авиалиний недостаточно густа, он управляет для практики полетами птичьих стай.

Его жена Варда в свое время отшила Мелькора, и теперь старается не отходить далеко от мужа, опасаясь мести. Считается, что если они с Манве на пару стоят на горе, то он видит, а она слышит, что творится во всех что ни есть местностях. Жалко только, что чем дальше, тем реже выбираются они на горку, и многие из грядущих бед могли бы не произойти, если б эта супружеская чета почаще слушала и смотрела.

Ульмо — повелитель вод. Он одинок и меланхоличен, что не мешает ему время от времени наводить на остальных ужас в образе волны цунами. Но чаще он разговаривает с теми, кто живет в Средиземье, голосом, который воспринимается как звук струй. И эльфы говорят, что журчание ручья — это его голос, а гоблины добавляют, что когда «краны гудят», то тоже он виноват.

Ауле суть примерно то же самое, но по части грунта, полезных ископаемых и ремесел. Из всех валаров у него самый большой зуб на Мелькора, ибо именно Ауле приходилось прибираться после каждого раунда битвы.

Йаванна, его жена, — богиня плодородия. Не исключено, что именно Ауле и Йаванна вдохновили Веру Мухину на создание шедевра «Рабочий и колхозница».

Мандос и Ирмо — близнецы-братья. Кто для истории более ценен? Один забирает к себе души мертвых, а другой занимается снами и видениями. Их жены тоже, и та и другая, умеют успокаивать и избавлять от ран и усталости, но каждая на свой лад — ласковым лечением и ласковым умерщвлением соответственно. Поэтому при всем почтении к Мандосу и Вайре, Ирмо с Эсте как-то симпатичнее.

Их сестра Ниэнна в основном занята рыданиями и плачем. Еще когда ничего не произошло и горевать было попросту не о чем, она уже скорбела заранее, и поэтому ее считают мудрой.

Краснорожий качок и каратист Тулкас — величайший в делах доблести. Он может обогнать любое существо, пользующееся ногами, что очень помогает в битвах при выполнении маневра «отход на заранее подготовленные позиции». Беседовать с ним на отвлеченные темы бесполезно, но как ударная сила он незаменим. Есть подозрение, что он немного не в себе, потому что эльфам известно, что Тулкас постоянно смеется — что в бою, что в мирное время.

Его супруга Несса любит танцевать, и она вечно танцует на вечнозеленых лужайках в вечном Валиноре. Ее любят олени и ходят за ней всюду и постоянно. Но Несса может обогнать их, быстрая как стрела, с развевающимися по ветру волосами. Пока олени догоняют, она хоть немного может отдохнуть от их общества.

Ороме любит лошадей, деревья, собак и духовые оркестры. Кроме этого, про него мало что можно сказать — разве то, что он тоже вояка, наподобие Тулкаса, только мрачный.

Его жена Вана вечно юная. При ее приближении раскрываются цветы и поют все птицы. Цветы еще туда-сюда, но от

постоянного птичьего базара она почти оглохла, и скоро оглохнет совсем.

Таковы имена валаров и валиер, но вообще-то это все фигня, а настоящую их историю и красоту все равно никому не понять.

О МАЙАРАХ

То же самое, что и Валар, но труба пониже и дым пожиже.

О ВРАГАХ

Главным из них надо считать Мелькора, которого в кратком курсе принято именовать Моргот, темный враг мира. Гадкий, злобный, темный, а также хитрый, наглый коварный; при этом гордый, жадный, упрямый плюс к тому сволочной, лживый, безжалостный, он тем не менее собрал неплохую команду. В ней были, среди всего прочего, майяр Саурон и отдельная рота братьев Барлогов — огненных бичей. Как и всякие бичи, Барлоги были весьма неприятны в личном общении, но при случае могли и пригодиться.

ИСТОРИЯ СИЛЬМАРИЛЛОВ

О начале дней

Мудрые говорят, что первая битва произошла еще в те времена, когда Земля только-только сформировалась из планетарной туманности. Мелькор почти победил, но тут Арда наполнилась звуками слабоумного смеха — это пришел Тулкас, единственной радостью в жизни которого были кулачные бои. «На фиг, на фиг, — подумал Мелькор. — Этот идиот еще убьет ненароком. Покину-ка я лучше Арда и буду вынашивать замыслы во внешнем мраке».

Валары поняли, что Тулкас — полезная вещь, и оставили его у себя, уверяя, что Мелькор — существо упрямое и еще не раз даст повод посмеяться. А пока суд да дело, они убрали следы скандала и принялись вновь за творчество. Перво-наперво были сооружены два фонарных столба, Ауле сделал два фонаря, Варда наполнила их керосином, а Ман-ве поставил визу на акте приемки. Стало светло. Проросли баобабы, зашевелились звери, но птицы, к великой радости Ваны, еще не пели. По случаю завершения работы над фонарями Манве решил устроить пир. Мелькор об этом знал, знал он также, что Манве за последние дни основательно заездил Ауле и Тулкаса, и решил, что его час

пришел.

Пир удался лучше некуда. У Тулкаса еще хватило сил взять в жены Нессу, которая танцевала в зеленой траве, отогнать бродящих за ней оленей, и....(фрагмент опущен), после чего Тулкас уснул, усталый и довольный.

Тогда Мелькор начал строительство первого своего подземного бункера, и оттуда истекали зло и тлетворное влияние. Реки загрязнялись, зелень начала чахнуть и гнить, а в воздухе повисли облака удушливого дыма — словом, Мелькор уже тогда создал те условия жизни, к которым человечеству с таким трудом удалось прийти лишь теперь. По этому поводу он считал себя очень прогрессивным и обижался, когда с ним не соглашались. Пока валары соображали, что к чему, Мелькор занимался мелким хулиганством — повалил фонарные столбы и разбил обе лампы. Вытекший керосин загорелся, и произошел пожар, после которого так и не удалось отмыть копоть и закрасить обгорелые пятна.

Проснувшийся Тулкас с хохотом бросился в погоню, но на этот раз Мелькору удалось уйти: валары сами удержали своего недалекого друга, ибо земля тряслась под его шагами и рушилось то небольшое, что еще было цело. Ауле до смерти надоело приводить планету в порядок после каждой стычки, он сослался -на неясность воли Илуватара, и от него отстали. Но жить где-то все же было надо, и, оставив порядком взлохмаченное Средиземье Мелькору, валары откочевали на запад, где и оборудовали свое новое жилище, страну Валинор. Во избежание новых казусов его обнесли горами и рвами, и хотя никто из эльфов не видел проведенной по их вершинам колючей проволоки, вполне возможно, что была и она. В этой защищенной стране валары хранили все, что уцелело, а также все, что делали заново. Благословенна и свежа была эта страна, как лужайка перед дачей миллионера.

Когда работы были окончены, на холм взойшли две дамы — Йаванна и Ниэнна. Одна сочиняла песню, а другая плакала рядом — не то чтобы ее кто-то обидел, а так, по привычке. Потом Йаванна запела, и никаких других звуков не слышно было в мире, кроме разве что всхлипов все той же Ниэнны, и под звуки песни выросли два светящихся дерева, белое и желтое. Белое дерево давало свет, и это было еще терпимо, но от желтого шел еще к тому же и сильный жар, и без риска к нему могли подходить только валары, которым сменить обуглившееся тело на свежее так же просто, как нам поменять порванные носки на новые (до перестройки). Варда собирала росу и сок с деревьев, наполняла ими озера, и эти озера, давали и воду, и свет, и тепло. С точки зрения экологии это было значительно лучше, чем знаменитая Северная ТЭЦ, задуманная Мелькором еще тогда.

Стали они жить-поживать и добра наживать, не забывая, однако, что Мелькор не дремлет. Особенно хорошо это помнила Йаванна. В порядке гуманитарной помощи она часто, не меньше одного раза в тысячелетие, посещала Средиземье и, в очередной раз ужаснувшись, по возвращении начинала нагнетать обстановку. В Средиземье тогда отправлялся уже Ороме, там во мраке он бродил и буянил, разгоняя прочь зверье и слуг Мелькора, а сам Мелькор трясся в бункере от страха. Потом он уезжал, звери вновь собирались в стаи, слуги опять занимали положенные места, а Мелькор переставал трястись — и все шло по-прежнему.

Так что все было готово для прихода Детей Илуватара. Как дальновидный деятель Илуватар выдал валарам при отправке отнюдь не всю проектную документацию и лишь потом сделал заявление:

«Смотрите! Я возлюбил эту землю, ибо станет она домом для Квенди и Атани. Квенди будут и собой хороши, и работать горазды, и песни петь. Но чтобы они не зарывались, пусть их судьба будет предопределена в нашей музыке — помните? А вот Атани будут вроде как сами по себе, хотя в конечном счете тоже окажется, что и они работают исключительно на мои задумки. Но самостоятельность — вещь опасная, и поэтому в качестве великого блага я вмонтировал в них самоликвидатор. Только не надо делать такие кислые лица — я сказал «благо», значит, благо. Или кто хочет спорить?»

Спорить хотел один Мелькор, но с ним Илуватар не разговаривал принципиально, и получилось, что спорить не хочет никто.

ОБ АУЛЕ И ЙАВАННЕ

(а точнее — о гномах)

Рассказывают, что своим возникновением гномы обязаны Ауле. Ему по горло надоело постоянно ходить в подчиненных у Эру, и очень хотелось самому стать для кого-нибудь отцом народов, мудрым вождем и учителем. И создал Ауле в своей секретной лаборатории гномов — неладно скроенных, да крепко сшитых. Но Илуватар об этом узнал — верховный бог все же, не хрен собачий — и вызвал Ауле на ковер.

Начало разговора не предвещало ничего хорошего:

«Ты пошто, дурень, не за свое дело взялся? Я сотворил тебя, я буду творить и других, а ты не замай. Посмотри на своих уродцев — это ведь куклы, тобою же управляемые. Я б такое сделал — с позором удавился».

Тогда Ауле ответил:

«Вы совершенно правы, шеф. Действительно, без Вашего чуткого руководства эта работа была обречена на неудачу. Я готов при вас уничтожить эти дефектные образцы, а расходы покрыть из своей зарплаты».

И с этими словами Ауле навел на клетку с гномами трехдюймовую пушку. Гномы жалобно запищали. «Ишь ты, — пожалел их Илуватар. — Хам-мункулусы, а тоже жить хотят. К тому же сотрудник старался, инициативу проявлял...» — и сказал вслух:

«Ладно, убери ствол. Значит, так — пусть они тоже будут. Но не забывай, парень, что ты за них отвечаешь — раз, и что мои ребята твоих будут частенько обходить и поколачивать — я все-таки главнее — это два. Все, свободен». Ауле уложил своих гномов в хранилище, обмазал солидолом и оставил их там до лучших времен.

Яванна, узнав об этой истории, устроила скандал:

«Я, значит, с травами-зверушками возжусь, ночей не сплю, а он всякую дрянь разводит, жену не спросивши. Они теперь все мои деревья повырубят и зверей поедят».

«Ну, твои звери сами кого хочешь поедят», — оправдывался Ауле, но тщетно.

«А деревца? Несчастные деревца?»

«Вот дуру-то в жены Эру послал. Твои деревца так и так вырубят, не мои, так его люди, и кто там еще.»

Яванна, опечаленная этими словами, пошла к Манве и устроила скандал уже у него. Манве покопался в памяти и сообщил ей, что будут в мире орлы. Идея с орлами Яванне понравилась.

«Они будут жить на моих деревьях!» — заявила она, но Манве, которому идея с орлами тоже вдруг понравилась, ответил: «А вот и нет. Они будут жить на скалах — на моих скалах. А в лесу... в лесу... что б такое придумать... в лесу появятся пастухи деревьев. Удалились, женщина, я утомлен».

Чуть придя в себя, Манве связался с Илуватаром и объяснил ситуацию.

«Я, — каялся Манве, — ну совсем обалдел от этого разговора, а она долдонит свое и долдонит. Пообещал ей каких-то пастухов деревьев, вот что теперь делать?»

Илуватару совершенно не хотелось лезть в эти распри, и он поступил самым простым способом:

«Сын мой! — сказал он. — Неужели ты думаешь, что я упустил такую мелочь? Будет время, будут и пастухи деревьев, хотя я и сам пока слабо представляю, кто это такие. Но я их предвидел — или ты хочешь спорить?»

Яванна же пришла к Ауле в литейку и, едва сдерживаясь, чтобы не показать язык, небрежно сообщила:

«Эру щедр, и для твоих дровосеков с топорами теперь есть кое-какой сюрпризик».

«Прекрасно!» — ответил Ауле, а про себя подумал: «Сюрпризик или не сюрпризик — все одно порубят твои леса. Но говорить ей это сейчас не стоит: а то будут у нас две плачущие королевы».

О ПРИХОДЕ ЭЛЬФОВ

После того как Мелькор разбил фонари, жизнь в Средиземье стала мрачной. Свет деревьев туда не доставал, и под покровом темноты там бродили диплодоки и тираннозавры. Мелькору же это было только на руку, и, собрав компанию бичей, он построил себе новую базу Ангбанд, а начальником поставил некоего Саурана, который был немало польщен тем, что он, майар, занимает теперь полковничью должность.

В Валиноре же Яванна продолжала свои подстрекательские выступления против Мелькора, напирая на волю Илуватара и играя на самолюбии Манве. Тулкас со смехом ее поддержал:

— Нет! То есть да! То есть я"ему таких наваляю! Отщепенцу...

Но войны не получилось. Опять всплыло какое-то предрешиение, и в результате Мелькора пока оставили в покое, а Варду, чтоб не надоедала, отправили зажигать новые и сверхновые звезды: до сих пор в наблюдаемой вселенной были только красные и желтые карлики, и небосвод был слишком унылым. Заодно Варда составляла новые созвездия, и лишь врожденная интеллигентность удержала ее от соблазна написать по небу что-нибудь нехорошее про Мелькора. Вместо этого высоко на севере она поместила корону из семи огромных звезд — Валакирку, знак того, что когда-нибудь Мелькор и киркой получит.

И вот настал час, когда в Средиземье проснулись первые эльфы, заботливо разложенные Илуватаром в 'наиболее живописных местах. Когда они продрали заспанные глаза, то сначала увидели звезды, а уж потом все остальное, и с тех пор эльфы полюбили звездный свет. Отсюда можно сделать вывод, что они все, как один, спали на спине. Подумать только! Лежали бы эльфы на боку, и тогда они на всю жизнь полюбили бы что-то другое, и все пошло бы наперекосяк. От чего только не зависят судьбы мира!

Эльфы принялись слоняться по окрестностям, называть все, что встречали, разными словами и постепенно уверились, что, кроме них, никто и ничто не умеет ни говорить, ни петь. В таком состоянии их и застал Ороме, который в очередной раз выбрался в Средиземье поразвешаться. Услыхав чьи-то голоса, он очень удивился, а разобравшись, обрадовался и порадовал сородичей в Валиноре.

Манве собрал большой совет, на который явился даже Ульмо — для него поставили специальный аквариум. Дальше затягивать с войной было невозможно, и боевые действия начались. Эльфы, из-за которых, собственно, весь сыр-бор и разгорелся, в драке, однако, участия не принимали, более того, они даже не знали, что там такое творится за горизонтом — ну, земля-трясется, ну, вспышки какие-то, столбы дыма грибообразные поднимаются — так ведь мир новый, может быть, так оно и положено.

Долго долбали великие друг друга, испоганили множество земель, нарыли сотни воронок, но зажали-таки Мель-кора в угол, и пришлось ему схватиться с Тулкасом. Что из этого вышло, догадаться не трудно. Истосковавшегося Тулкаса еле оттащили от бесчувственного Мелькора, которого великий воитель вошедши в раж, добивал ногами. В коридоры Ангбанда валары наспех запихнули несколько сотен тонн тротила и после взрыва решили, что больше тут делать нечего, но Саурон успел вывести остатки гарнизона через аварийный тоннель. Мелькора же связали по рукам и ногам, завязали глаза, заткнули рот, уши и прочие отверстия на теле и привели в Валинор. Суд был скорый и справедливый — Мелькору дали три эпохи строгого режима и сослали в крепость Мандоса, по сравнению с которой камера в замке Иф показалась бы прогулочной террасой.

А валары снова собрались на совет, и мнения их разделились в споре. Ульмо за стеклом упрямо булькал, что эльфов следует оставить в Средиземье и пусть там разбираются как хотят. Но большинство решило, что они прекрасно впишутся в интерьер Валинора, и поэтому эльфов надо: навсегда усадить у ног великих, в сиянии деревьев.

Но эльфы сначала не пожелали идти к ногам. В немалой степени этому способствовали слухи о Черном Всаднике на Черном Коне, который с самого подъема изредка наезжал из темноты и пожирал

попавшихся. Достоверно неизвестно, что это был за всадник: провокация Мелькора, чтоб эльфы боялись валаров, или провокация валаров, чтоб эльфы боялись Мелькора, но в итоге они стали опасаться всех. Кроме того, им было известно, что во времена расцвета Ангбанда Мелькор ставил над эльфами бесчеловечные эксперименты, в результате чего по Средиземью пошли злобные мутанты, и боялись эльфы, что в Валиноре с ними тоже не будут церемониться. Тогда Ороме пошел на хитрость: выбрал из эльфов трех наиболее податливых, свозил их за свой счет в Валинор и пообещал каждому королевский трон, после чего эти трое, естественно, не жалели глоток, убеждая сородичей отправиться за море, и, наконец, склонили часть народа к переезду. Так началось великое переселение эльфов, и тогда же они разделились на несколько народов.

Первыми стронулись ваньяры, они без приключений достигли цели и больше ничем особым себя не проявляли, кроме разве того, что их вождь Ингве до сих пор покладисто сидит у тронов могущественных, и за эту послушность их больше других любят Манве и Барда.

Потом отправились в путь нольдоры, иначе говоря — эльфы-рудокобы. Они хорошо известны по песням, ибо им пришлось много сражаться, а после сражений заниматься изнурительным трудом в северных землях (см., например, КвентаСредиземлаг и др.)

Последний отряд был самый большой и самый бестолковый, чему способствовало наличие не одного, а двух вождей. «Телери» прозвали их за многочисленные плутания и задержки в пути. Некоторым настолько понравился сам процесс движения к светлой цели, что они в конце концов оторвались от общей массы и предпочли петлять по Средиземью, неустанно утверждая при этом, что они идут напрямик на Валинор. Так что поход евреев, сорок лет одолевавших девятьсот километров от Египта до Ханаана, по сравнению с эльфийскими делами кажется молниеносным марш-броском.

О ТИНГОЛЕ И МЕЛИАН

Мелиан была из майяров, она обучала соловьев пению, а Тингол — одним из двух вождей телери. То, что он влюбился в нее, едва увидев, понятно и естественно, но вот что она в нем нашла, так этого никто не знает. Тем не менее они с первой же встречи поняли, что это судьба. Тингол бросил свой народ и затею с Валинором, а Мелиан бросила своих соловьев, и они уединились, устроив себе медовое столетие в пещерном городе Менегрот. Мелиан дала Тинголу огромную власть, а если учесть, что он и сам по себе был нехилым, то в результате эта пара оказалась самой крутой в Средиземье. Отсюда три морали: любовь зла, полюбишь и низшее существо; с милым рай и в Менегроте; и, наконец, лучше майярша в руках, чем Валинор за горизонтом.

ОБ ЭЛЬДАМАРЕ И ЕГО КНЯЗЬЯХ

История переправы эльфов в Валинор поучительна, но несколько бестолкова. Под административным давлением старших по званию Ульмо организовал перевозку ваньяров и нольдоров на одолженном у параллельного мира контейнеровозе класса «Ро-Ро», который эльфы по неграмотности приняли за плавучий остров. А телери все еще бродили по западному побережью, которое называлось Белерианд, описывая по нему круги и восьмерки, пока вдаль не раздался третий гудок.

И вот тут-то и выяснилось, что, оказывается, телери тоже всю жизнь хотели на Запад и теперь принялись жаловаться на судьбу. Чтобы хоть как-то отвлечь их, Ульмо послал к телери своего зама Оссе, и тот открыл в Белерианде мореходное училище. На некоторое время наступило затишье, но потом проект переселения эльфов всплыл вновь, были сделаны соответствующие распоряжения, и Ульмо, выматерившись в отключенный селектор, погнал все тот же ролкер опять в Белерианд.

Но тут уже поднял шум Оссе, который таким образом мог остаться не у дел. Он развил бурную деятельность и сумел уговорить часть телери остаться, а для их лидера Сэр-дана пришлось учредить должность Главного Корабела. Но когда транспорт все же отошел, в Белерианде опять обнаружились опоздавшие. Нагруженные чемоданами и баулами, они столпились на причале, с тоскою глядя на исчезающий вдаль дымок, и с тоски же подались в подданство Тинголу. Время показало, что они поставили на правильную лошадь.

А на ролкере среди телери творился все тот же бардак. Теперь, плывя в Валинор, они принялись громко печалиться по Белерианду, К тому же Оссе в своей мореходке учил их исключительно парусному делу, и, сидя в металлической коробке под грохот дизелей, у эльфов начались обмороки, невроз и меланхолия. Доведенный до белого каления, Ульмо с размаху посадил ролкер на мель и заявил, что Мель-кор пусть их дальше везет, а он, Ульмо, всегда был против этой затеи и умывает руки.

Теперь телери принялись ныть, чтоб их сняли с этого острова, и в конце концов добились своего — их наконец-то поселили в Валиноре, научив предварительно строить корабли и плавать на них — не без тайной надежды, что когда-нибудь они все потонут естественной смертью, и станет поспокойнее.

Жизнь в Валиноре потекла своим чередом. Ваньяры водили хороводы вокруг действующего макета серебряного дерева, который был очень похож на настоящий, только не светился, нольдоры искали драгоценные камни и открывали ювелирные мастерские, а непоседливые телери одухотворенно глядели на звезды и кидали нольдорские драгоценности в море — просто так. Каждый занимался своим делом.

Дальше рассказ в основном пойдет о нольдорах, так что нелишне назвать основных действующих лиц. Король Финве имел троих сыновей от двух женщин, Феанора и Фингольфи-на с Финарфином соответственно. Феанор был ученым и оратором, Фингольфин — храбрецом и силачом, а Финарфин — красавцем и умником. Все это впоследствии привело к неисчислимым бедам. У них у всех тоже были сыновья и дочери, общим числом до пятнадцати штук, причем каждый имел свое собственное имя, от перечисления которых стоит воздержаться — все равно с маху не запомнить.

О ФЕАНОРЕ, ОСВОБОЖДЕНИИ МЕЛЬКОРА И ПРОЧИХ НЕПРИЯТНОСТЯХ

Несмотря на всю благословенность Валинора, у первой жены Финве беременность протекала тяжело. Вскоре после рождения Феанора она умерла, а смущенные этим валары с ходу сочинили историю, что она просто очень устала и ее дух отправился подлечиться, а потом она когда-нибудь вернется. Финве сделал вид, что этой сказке поверил, но ждать до когда-нибудь не пожелал и женился второй раз. Но пользы от этого было мало: король не смог забыть свою первую жену и поэтому баловал Феанора неимоверно. И вырос Феанор властным, упрямым и взбалмошным, хотя и талантами тоже был не обижен. Очень быстро он стал ведущим специалистом по драгоценным и полудрагоценным камням, известность получили также и его опыты в области телевидения и языкознания. Но всеобщее признание и высокие правительственные награды лишь развивали негативные стороны его личности, которые особенно остро проявлялись в быту: уже тогда Феанор с женой оказались на грани развода.

А пока суд да дело, срок Мелькора подошел к концу. Он снова предстал перед особой тройкой (Манве, Яванна, Ман-дос), и увидел Мелькор их величие и блаженство, а еще увидел эльфов, благовоспитанно сидящих у ног великих, и ненависть переполнила его: «Я на зоне срок мотаю, а у этих тут шестерки камешками увешаны! Не для протокола мои слова тебе, начальник, для души: попомните вы у меня Мель-кора, во славу Илуватара и во веки веков... (термин опущен), то есть аминь!»

И подал Мелькор апелляцию, в которой просил дать и ему возможность что-нибудь сделать для свободного народа Валинора. Мудрая Ниенна, которая сразу поняла, что это даст материал для новых потоков слез и рыданий, шмыгая носом, присоединилась к просьбе, и Манве купился. Для начала он

назначил за Мелькором оперативное сопровождение, но Мелькор как опытный рецидивист быстро усыпил бдительность стражей, и надзор был снят. Впрочем, поверили ему не все. Ульмо по-прежнему с Мелькором не разговаривал, а Тулкас при встрече сжимал кулаки и кричал:

- Гы-гы-гы, петух запроволочный, все одно недолго паинькой продержишься, и тогда я тебя сделаю!

А Мелькор и вправду держался паинькой, старательно втирался в доверие к эльфам и распускал слухи, что они с самим Феанором в натуре кореша. Но на самом деле Феанор Мелькора не любил и при случае обзывал Морготом, видя в нем соперника и конкурента. Свободное же от обзывательств время у Феанора уходило на работу. В своей лаборатории он создал самое свое знаменитое творение — три сильмарилла, похожие на алмаз кристаллы, в которых горел смешанный свет обоих деревьев. Даже исчезающе малая интенсивность накачки давала в них мощное излучение, и все достижения лазерной технологии последующих времен не могли превзойти сильмариллов. Есть подозрение, что это удалось Феанору случайно, и неудивительно, что он дорожил этими уникальными образцами, оказавшимися в его руках. Правда, Мелькор тоже хотел бы дорожить чем-нибудь таким, а поскольку промышленное производство сильмариллов не планировалось, черная страсть разгорелась в его гнусной душе.

И Мелькор начал действовать. Знаменитая фраза «разделяй и властвуй» тогда еще не была сказана вслух, но сама идея витала в воздухе, и Мелькор для начала научил одних эльфов делать мечи, а другим, указав на это, пояснил, что нужно ответить стратегическим паритетом, и вскоре по всему Валинору задымили кузницы, из которых тоннами вывозили мечи, сабли, шпаги, топоры, штык-ножи и бронежилеты. Валары ничего не замечали. Затем Мелькор собрал митинг, на котором выступил с резкой критикой валаров за то, что Средиземье оставлено каким-то там смертным людям. Валары опять это проšliяпили.

Следующим шагом Мелькора была публикация документов, из которых следовало, что Фингольфин с сыновьями задумал убрать Феанора при поддержке валаров, которым нужны сильмариллы. Фингольфи́ну же с братом он подкинул информацию о том, что Феанор готовит их изгнание, причем самое обидное, что, по логике вещей, и то и другое было очень похоже на правду. Валары признаков жизни по-прежнему не подавали. Начались беспорядки, и Финве созвал сыновей на совет.

Первым приехал Фингольфин и с ходу принялся жаловаться на Феанора, но тот был легок на помине. С непривычки цепляясь мечом за шторы и грозно поблескивая шлемом, он вошел, когда брат был на самом патетическом месте в своей речи. Последовала безобразная сцена, во время которой Феанор махал мечом и грозился всех порезать. Фингольфин благоразумно промолчал и при первой же возможности сбежал искать брата. Только теперь валары поняли, что нет мира под деревьями. Последовали оргвыводы: Феанор был взят под стражу, а у остальных участников беспорядков была взята подписка о невыезде. Поскольку же в беспорядках участвовал практически весь дольдор, получилось, что впервые в истории невыездным был объявлен целый народ.

После первых же допросов прояснилась роль Мелькора, и Тулкас, радостно хохоча, побежал его ловить. Но Феанора не отпустили: он был признан виновным в незаконном изготовлении и ношении холодного оружия, вооруженном шантаже и оскорблении величества. Учитывая соотношение смягчающих и отягчающих обстоятельств, ему присудили двенадцать лет высылки с намордником — сущие пустяки для бессмертного эльфа. Но Феанор оскорбился, окончательно обиделся на брата и в таком вот настроении был этапирован в изгнание. Финве, позабыв королевское достоинство, отправился за ним, бросив царство на Фингольфина.

Через некоторое время туда добрался и Мелькор, обдуривший Тулкаса как мальчика с помощью дешевых факирских трюков, и принялся за демагогию. Он льстил, грозил, врал, говорил правду — делал все, чтобы привлечь Феанора на свою сторону, но в пылу проговорился, и Феанор понял его игру. Он назвал Мелькора козлом, спустил с лестницы — это могучего валара-то, вот позор, а Финве, поняв, что это хорошо не кончится, послал вне расписания оперативную сводку для Манве.

Валары, по своей укоренившейся привычке, держали совет, и лишь только Тулкас дергался,

когда приходили сообщения, что кого-то похожего на Мелькора видели то тут то там. Тени удлинялись, а потом, когда стало ясно, что Мелькор покинул Валинор, они снова укоротились. Но в воздухе уже пахло нехорошим.

ОБ ОМРАЧЕНИИ ВАЛИНОРА

Дальновидец и прозорливец Манве мудро вычислил, что Мелькор отправится в развалины своей старой базы, на север. Но подлый Мелькор отправился на юг, заставив, таким образом, Тулкаса и Ороме впустую оглашать полярные просторы цоканьем подков и дурацким смехом.

В те времена на югах проживала некая Унголиант, кадавр, неудовлетворенный желудочно, и Мелькор предложил ей контракт: она делает все, что ему нужно, а он ей дает все, что она пожелает. Юридическая безграмотность в те времена была ужасной, и туманная формулировка не вызвала протестов. Унголиант в совершенстве владела технологией СТЕЛ С, и, накрывшись плащ-палаткой со свето-радиопоглощающим покрытием, они с Мелькором пошли заходить с тыла.

Момент был выбран удачно: Манве, чтобы сгладить впечатление от недавнего разгона демонстраций, задумал устроить Праздник Урожая. К тому же смутное предчувствие шевелилось в нем и создавало неприятное ощущение. «Пусть порадуются, — думал Манве, глядя на веселых эльфов, — в последний-то раз...» И вправду, нольдоры и ваньяры нарадовались вволю, и к вечеру на улицах не осталось ни одного эльфа, стоящего на ногах, все лежали и спали. Лишь из-за гор, со стороны селений бестолковых телери, еще слышались музыка и песни. Для создания вящего эффекта безмятежности на гулянку было приказано явиться и Феа-нору, и он подчинился, но прибыл в нарочито драном ватнике и стоптанных кирзачах, а Финве сказал:

—....Я король, и я же отец врага народа. Неудобно как-то.

Вот снимете с парня судимость, тогда и царить приду.

«Ага, — подумал и.о. короля Фингольфин. — Я прямо исстрадался, жду не дождусь, когда же ты меня обратно с трона погонишь». Но потом, по ходу пира, становясь все более и более радостным, он расчувствовался, и нахлынули на Фингольфина братские чувства.

—....Феанорчик, братан, ты уж извини... Вот видишь меч? Так я его сейчас сломаю. Тьфу ты, не ломается, зараза, нуладно. Я для тебя теперь что хошь сделаю — ну хочешь, вот еще налью? И пойду с тобой куда угодно тоже...

Трезвый и, как следствие, мрачный Феанор злобно смотрел на брата, ничего не говоря.

А в это время Мелькор и Унголиант, принявшая образ огромной паучихи, подбирались к деревьям, и наконец она вонзила в них свой черный клюв, высасывая свет, а Мелькор радостно прыгал рядом и тыкал в стволы копьем, приговаривая: «Так тебе и надо, мало шоколада!» — непонятно кого имея в виду — Илуватара или Манве. Так в Валинор пришла тьма. Песни смолкли, танцы прекратились, а тени удлинились неимоверно. В наступившей темноте были слышны только причитания телери, которым вновь что-то не нравилось.

Но Манве со своего высокого трона посмотрел вдаль, и взгляд его пронзил ночь, и там, за мраком, он увидел низколетящий высокоскоростной объект. И понял Манве, что Мелькор приходил и ушел, так же ясно, как Штирлиц в аналогичной ситуации ясно и уверенно опознал лыжников. Началось преследование, но Унголиант отстрелила пакет инфракрасных ловушек, и еще долго бегал в темноте Тулкас, нанося удары в пустоту. Мщение Мелькора свершилось.

Тем временем в Валиноре сработала система аварийного освещения — на небе загорелись звезды. Эльфы наконец смогли найти дорогу к валарской резиденции и окружили ее толпой, еле сдерживаемой охраной. Яванна, осмотрев деревья, сообщила:

—....Плохо дело. У меня запчастей нет, разве что стрелнуть у кого... Я, конечно, ничего такого в виду не имею, но вот сильмарили как раз бы подошли.

И тогда заговорил Манве:

—....Осужденный Феанор, вам команда ясна?

Но Феанор молчал. Тогда в разговор вступил грозно ухмыляющийся Тулкас:

-....Ты чо, мужик, обурел в корягу? Страх потерял? Я вот дурак, а и то понимаю, что раз эту страну сделали мы, так и все, что тут сготовлено, тоже наше. А что не наше, так тоже наше, хе-хе-хе.

—....Заткнись ты со своими остроумиями, — оборвал Тулкаса Ауле, лучше других понимавший сердца трудового народа. - Дай хоть подумать, перед тем как отбирать, может, и сам отдаст.

И тогда Феанор с горечью заговорил:

—....Срок дали, стакана не налили, заточку отобрали — а теперь и последнюю радость вам отдай!

— Он рванул на груди фуфайку и залился слезами.

- Все, все, что нажито честным трудом, я жить не буду! Мелькор, падла, правду говорил: гады все вы, один другого стоит.

Мандос ответил: «Ты сказал», — и занес речь Феанора в протокол, чтобы потом добавить срок. А Ниенна встала, поднялась на холм и так зарыдала, что потоки слез смыли с холма грязь и мусор, а в низинах произошли небольшие наводнения. Она оплакивала все происшедшее, но когда ее грустная песня подошла к концу и Ниенна начала чуть-чуть успокаиваться, прибыл начальник охраны с места ссылки Феанора и рассказал такое, что слезы вновь полились в три ручья — никогда еще у Ниенны не было такого удачного дня. Оказалось, что Мелькор ограбил тайное хранилище, в котором хранил все, что уцелело при обыске, а попытавшегося помешать Финве убил со зверской жестокостью.

И тогда Феанор встал, и, воздев перед Манве руки, проклял Мелькора, и назвал его Морготом. Потом он вновь воздел руки и проклял тот час, когда его привели на пир. Феанор был в запале и хотел заодно проклясть чего-нибудь еще, но воздетые руки устали, и остальные проклятия пришлось пока что отложить.

Тем временем Моргот и Унголиант пришли к развалинам Ангбанда, и таким образом мудрое предвидение Манве сбылось, он только со временем не подгадал, а так все было верно. Началась дележка добычи, и тут-то Моргот и понял, какого дурака свалил, пообещав поделушнице «все, что хочешь». Осыпая его потоками оскорблений, он выманила себе почти всю добычу, но когда дело дошло до сильмарилей, Моргот уперся. Слово за слово, дело дошло до рукоприкладства, и последовал неизбежный сюжет схватки двух злодеев. Конечно, схватка лисы Алисы и кота Базилио в фильме про Буратино гораздо менее грандиозна, но общий стиль был похож. В критический момент Моргот закричал, на крик сбегались бичи Барлоги во главе с бомжем Сауроном, и все вместе они все же мягко и тактично убедили подругу в том, что она неправа.

Пристыженная Унголиант вернулась к себе на юга и там вскоре умерла в голоде и нищете. Моргот же восстановил Ангбанд, возвел трехглавую гору Тангородрим и привел в порядок распустившихся за время его отсидки приспешников и слуг, как-то: демонов, зверей, орков-мутантов и так далее. Там же он выковал себе корону и вправил туда все три сильмарилия, но поскольку при работе не соблюдал технику безопасности, то получил лучевые ожоги рук и страдал от болей всю оставшуюся жизнь.

Когда стало известно, что Моргота уже не поймать, началась в Валиноре грусть. Траур был организован образцово: валары засели в своем дворце, вокруг дворца плакали майяры и ваньяры, нольдоры плакали в городе, Ниенна все еще страдала на холме, лишь плач телери слышался со всех сторон — как всегда, без царя в голове, они так и не выбрали себе для грусти постоянного места.

БЕГСТВО НОЛЬДОРОВ

Неожиданно в городе появился Феанор и призвал всех прийти к дому короля. Конечно, валары могли бы это пресечь, тем более что срок у него еще не кончился и формальный повод для ареста имелся, но времена были уже не те, и поэтому митинг был начат быстро и без помех.

Свирепыми и ужасными были его слова, полными ярости и гордыни. Слушая их, нольдоры в возбуждении своем дошли до безумия и каждую фразу встречали восторженным ревом, в котором смешивалось: «Да здравствует наш дорогой вождь и учитель товарищ Феанор», «Хайль!» и «Нех жие!»

— Так называемые валары, — надсаживался он в мегафон, — довели страну до развала! (Аплодисменты.) Их преступная беспечность по вопросам обороны лишила жизни моего отца, имущества меня, лишила света весь мир. (Аплодисменты, крики «Долой!», скандирование «Моргот, МандОс — едино пес».) Но они не смогли лишить нольдоров самого главного — они не смогли лишить вас великого короля, которым теперь по праву буду я! (Аплодисменты, переходящие в овацию. Все, кто еще не стоит, встают. Выкрики: «Три года упорного труда и десять тысяч лет великого счастья!», «Планы Феанора — планы народа!», «Чем больше мы будем работать, тем больше мы будем есть!») Поэтому я говорю: месть Морготу и презрение его родичам. Нас ждут новые жизненные пространства на востоке, на которых валары хотят поселить какую-то неполноценную расу смертных. (Шум, отдельные голоса: «Предательство», «А как же мы?») Не знаю, какие планы были у валаров, а мы, эльфы, по своей врожденной доброте и благородству даже для неполноценной смертной расы сумеем обеспечить полноценную жизнь и смерть в специально отведенных местах. А Морго-та я уже один раз вынес на пинках, а теперь и вовсе убью. Во славу Илуватара!!! (Гром рукоплесканий, в котором еле слышно скандирование: «Эру, нольдоры, Фе-а-нор!»)

И под красными знаменами произнес Феанор ужасную клятву, и его сыновья клялись вместе с ним. Поклялись они ненавидеть и преследовать любое существо, которое завладеет сильмариллями, без различия политической и расовой принадлежности.

Против Феанора попытался выступить Фингольфин, которому исполнение королевских обязанностей еще не наскучило. Он попробовал призвать нольдоров не делать глупостей, справедливо полагая, что, оставшись здесь, при помощи валаров еще можно будет каким-нибудь образом убрать Феанора со сцены, а в Средиземье, где опора только на собственные силы, скорее всего Феанор уберет его самого. Но эта попытка успеха не имела, и Фингольфину с сыном чуть было не намяли бока, приговаривая, что из Финголь-фина очень даже просто может получиться Фингалфин. Благоразумный Финарфин после этого посоветовал утихнуть и действовать пока негласно. Сам он и вовсе не выступал, памятуя, что Фонарьфин Фингалфина немногим лучше. Однако его дочь Галадриэль, хоть и не клялась ни в чем, тоже была за исход — ей уже виделось свое собственное королевство, ну в крайнем случае герцогство на новых землях. Это внесло еще больший раскол в многочисленную родню, и в конце концов Феанор склонил нольдоров к походу.

Валары хранили молчание: Манве решил, что удерживать их себе дороже, а для эстетики и дизайна тронов вполне хватало и ваньяров.

Однако к началу переселения агенты Фингольфина успели провести немалую работу, и поэтому движение начали две отдельные группы — одна поддерживала Феанора, а другая состояла из партии Фингольфина—Финарфина.

Впрочем, ушел все же не весь нольдор. Процентов десять отказались, причем все, как один, исключительно из любви к Валинору, а не из страха перед опасностями.

Когда Феанор вышел из ворот города, прибежал наконец-то посланец Манве и сказал речь в том смысле, что валары, конечно, никого не хотят запугивать, но тем не менее уходить настойчиво не рекомендуют. Тем более что Мель-кор — он, конечно, не валар, потому что сволочь, но в остальном точь-в-точь такой же, и бороться с ним будет немножко сложно.

Но Феанор ответил набором лозунгов про все те же годы упорного труда и века великого счастья. И добавил:

- Скажи этому Манве, что, если Феанор Моргота и не свергнет, он хоть не будет праздно сидеть в печали, а будет воевать до последней капли крови своего народа. Вы меня еще не знаете! Вы меня знаете с хорошей стороны, но вы меня узнаете и с плохой стороны. Придут валары ко мне проситься, я их на порог не пущу!

Ошарашенный такой наглостью, посол Манве сделал шаг назад, споткнулся и упал. Нольдоры решили, что это раболепный поклон, и окончательно поверили в Феанора. А позади плелись фингольфинцы, и среди них не было такого обожания вождя, потому что, с одной стороны, его братья всячески интриговали против похода, а с другой стороны, молодые и честолюбивые сыновья пытались часть народного энтузиазма направить на себя.

Добравшись до побережья, Феанор попытался склонить на свою сторону телери, надеясь убить таким образом двух зайцев: приобрести корабли и ослабить Валинор. Телери оказались в сложном положении: спереди Феанор с войском, а сзади валары с могуществом. Несчастные телери растерялись и не придумали ничего лучшего, чем взяться уговаривать Феанора «не делать этого» — чего «этого», они и сами не очень понимали. Но нормально разговаривать с Феанором было уже бесполезно и опасно, как с любым другим шизофреником.

Не вслушиваясь в слова о братской любви и традициях добрососедства, Феанор понял главное: кораблей ему никто не даст, и вместо двух зайцев теперь придется убивать эльфов, причем в количествах гораздо больших. И обнажились тогда мечи, и началась кровавая битва. Резня шла по всей округе, а подоспевшие великодушный Фингольфин и благоразумный Финарфин ударили телерям с тыла и довели дело до логического конца, ибо все нольдоры как-то сами собой вдруг стали свирепыми и ужасными. Переправа началась, но не сразу, ибо сначала нольдорам пришлось выслушать Мандоса, который все-таки пришел сказать пару ласковых проклятий на прощание.

— Алло, ребята! Хотите прорицание? Ни хрена у вас там в Среди'земье путного не выйдет! Вас будут резать враги, друзья и все остальные. Кого порезать не успеют, тот сам с горя повесится, и ваши души попадут ко мне, и я уж о них позабочусь... А те, кто останется в живых, позавидуют мертвым. Впрочем, кто не клялся, может еще вернуться и попросить прощения. Да здравствует Эру!

Свирепые и ужасные нольдоры задрожали, некоторые упали в обморок. Но Феанор не растерялся:

- Кто согласится остаться — трус и предатель, и будет расстрелян на месте. Но силой я никого не держу, желающие могут сделать шаг вперед. Нет желающих? Прекрасно. Во славу Илуватара... к погрузке... Марш!

Но благоразумный Финарфин сумел поотстать, и пока Феанор говорил гневные слова, во главе своего отряда в предельном темпе двигался обратно. Валары закрыли глаза на их участие в резне у верфей, тем более что сокращение

числа телери ими как большая трагедия не воспринималось, и усадили Финарфина у тронов великих вновь. Феанор, узнав об этом, думая было Финарфина проклясть, но за делами как-то забылось. А дел было выше крыши: на взятые с боем корабли помещалось не все войско, а идти через полюс не хотелось даже самым фанатичным. Нефанатичные же давно поняли, какого дурака свалили, а в команде Финголь-фина Феанора вообще проклинали. Феанор взял это себе на заметку, и со своим отрядом попросту сел на корабль, и ух-рял, не попрощавшись, оставив фингольфинцев проклинать его и дальше. Высадившись на берег, он отдал приказ кораблю сжечь, сказав:

— Баба с возу — кобыле легче. От братьев все равно толку не было.

Великодушный Фингольфин же, увидев столбы дыма и поняв, что его предали, несколько подвинулся в уме. Вместо того чтобы облегченно вздохнуть и повернуть обратно в Валинор, он повел своих сподвижников именно туда, куда они меньше всего хотели идти — в Средиземье через Северный полюс. И как ни странно, по ходу этого путешествия несчастные эльфы злились исключительно на Феанора, который был уже почти ни при чем, а непосредственный руководитель Фингольфин не получил и сотой доли тех проклятий.

О РОДЕ СИНДАР

Пока в Валиноре происходили описанные события, жизнь в Средиземье текла своим чередом. Тингол и Мели-ан быстро и почти бескровно стали повелителями всех эльфов Белерианда — и отказавшихся от эмиграции авари, и заплутавших телери. Постепенно эти два народа перемешались и переименовали себя в синдар, по случаю чего у Тин-гола и Мелиан родилась дочь-красавица Лютиен.

Примерно в те же времена вторично появились на свет гномы и сразу же принялись рыть землю и долбить камень. В тех местах, где они обитали, земля была усеяна столбиками с надписью: «Осторожно! Глубже 1,5 м не копать!» Но надписи были сделаны по-гномьи, эльфы их не понимали и то и дело обрушивали какой-нибудь подземный дворец, так что большой дружбы между двумя расами не возникло, однако ради выгодной коммерции разборки таких конфликтов пока что спускали на тормозах. К тому же только что был подписан «контракт века», заказ на строительство для Тин-гола подземного Морготоубежища «Менегрот» в обмен на ноу-хау и жемчуг, так что портить раньше времени отношения с крупным заказчиком гномы не хотели. Все было вроде хорошо, но постепенно с севера в Белерианд начали проникать орки и волкодлаки. Эльфы сначала не знали, что с ними полагается делать, но потом, глядя на лихо машущих топорами гномов, и сами вошли во вкус, тем более что гномы быстро поняли, что экспорт оружия — доходное дело. Даже когда царил мир, они постоянно рассказывали эльфам об ужасах земель за горами, и арсеналы Тингола пополнялись постоянно.

Вскоре оказалось, что услуги гномов были действительно нелишними. Моргот отстроил Ангбанд, орки обнаглели, волкодлаки проголодались. Правда, выяснилось, что Менегрот построен всего в паре сотен миль от Ангбанда, подлетное время оказалось до смешного мало, и не будь на руках забот понасушнее, Тингол подал бы на гномов в суд. Но до этого руки не дошли, надо было срочно организовывать полный разгром орков, да так, чтобы те, кто бежал, попадали под топоры гномов. В конце концов эта задача была выполнена, но с таким количеством жертв, что часть эльфов тут же дезертировала и, уйдя в леса, зареклась на будущее иметь дело с королями и битвами. Так появились ланквенди — зеленые эльфы.

Тингол же, вернувшись в Менегрот, узнал, что, пока он одерживал победы на востоке, Сэрдан-корабел терпел поражения на западе. «Один-один, — сказал Тингол, — кто как, а я наигрался». Он отозвал свой народ отовсюду, откуда можно, а Мелиан организовала вокруг запретную зону с проволокой под током и минными полями. Сначала этот закрытый город назывался «Эгладор-16», а потом в режимных целях название было сменено на «п/я Дориат». И сказал Тингол: «Ну вот и все. Теперь будет хорошо и спокойно».

В это время войско Феанора с шутками и прибаутками брело по пояс в воде, высаживаясь на побережье.

О СОЛНЦЕ, О ЛУНЕ И О ТОМ, КАК СКРЫЛСЯ ВАЛИНОР

Рассказывают, что после бегства Мелькора валары долго сидели неподвижно на своих тронах, безучастно взирая на творящееся вокруг безобразие. Но это не так. Они думали, и первым додумался Манве. Он сказал:

—....Господа! Надо что-нибудь сделать.

Перечить никто не стал, потому что, во-первых, он был король, а во-вторых, потому что мысль была разумная: действительно, делать что-то было явно надо. Яванна и Ниенна пошли к деревьям и принялись за работу. Яванна пела очень хорошо, но утирающая слезы Ниенна, маячащая рядом,

портила весь кайф от песни, и поэтому можно только удивляться, что на белом дереве расцвел цветок, а на желтом созрел плод. Плод вручили майярше по имени Ариен в качестве солнца, а цветок для луны майяру Тилиону, по поводу чего он заметил:

—....Все время на майярах выезжают. Ну вот что бы Эру не создать еще и прапорщиков каких-нибудь! Подругу мне, конечно, дали лучше некуда, да горяча больно, с ней рядом даже не присядешь, не говоря уж о всяких там...

Конечно, Тилион в конце концов подчинился, но с самых тех пор он работает с ленцой, расписание не держит и время от времени создает в небе аварийные ситуации, норовя подрезать путь Ариен, за что регулярно получает выговоры. Но поскольку больше желающих мотаться по небу до окончания веков нет, Тилиона до сих пор не увольняют.

Валары же решили, пока суд да дело, укрепить свое жилище. В принципе Валинор был и так уже здорово укреплен, но теперь его надо было сделать крепче некуда. Горы стали еще выше, пропасти еще глубже, а с охраной провели политбеседу на тему «Бдительность воина Уголовным кодексом удвоена». Кроме того, в море была организована полоса бермудских треугольников и курских магнитных аномалий, а весь комплекс вместе получил неофициальное название «железный занавес».

АВТОРСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: Глава «О людях» в первоисточнике начинается фразой: «Теперь валары мирно жили за своими горами и, дав Средиземью свет, надолго оставили его без внимания». Не вникая в морально-этическую сторону такого поведения, я с сожалением должен констатировать, что на то же долгое время и мне придется распрощаться со своими любимыми комическими персонажами. История же Средиземья сама по себе будет гораздо скучнее, гораздо больше там будет самой обыденной политики. Поэтому я постараюсь дальнейшее изложение вести более сжато.

КОНЕЦ АВТОРСКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ

О ЛЮДЯХ

Теперь валары мирно жили за своими горами и, дав Средиземью свет, надолго оставили его без внимания. Это можно было бы расценить как свинство, если бы здесь не было замешано предрешение Илуватара. Мудрый Эру специально так задумал, чтобы самостоятельные люди с самого начала приучались надеяться только на себя.

Пробуждение людей было обставлено примерно так же, как и эльфов, но люди все, как один, спали, наоборот, на боку, и первое, что увидели они, было солнце, восходящее на западе. (Оно бы взошло и на востоке, но поначалу Ариен еще путалась в сторонах света.)

Их, не успевших еще прийти в себя со сна, эльфы сразу принялись дразнить, называя их чужаками неуклюжими, байстрюками болезненными и дохлятиной трусливой, а люди раз и навсегда преисполнились восхищения перед мудростью эльфов и красотой их речи. Тем более что даже в старые времена, когда все было лучше, эльфы были и красивее, и здоровее, и поумнее, чем смертные.

О ВОЗВРАЩЕНИИ НОЛЬДОРОВ

Моргот, узнав, что Феанор прибыл в Средиземье, ханжески вздохнул:

— Не виноватая я, он сам пришел, — и послал на нольдо-ров войско орков. Орки были страшны, но нольдоры оказались еще страшнее, и, начав из невыгодной позиции, они тем не менее раздолбали орков вдребезги и пополам. Моргот послал подмогу, но ее раздолбали так же легко: орки, привыкшие

воевать с одухотворенными телери, послушно ложились под мечи свирепых нольдов, как опавшие листья под грабли. Феанор, видя это, окончательно уверился в победе и, отчаянно размахивая мечом, бросился в погоню, надеясь добраться до Моргота. Порядком напуганный Моргот призвал на помощь своих давних дружков-бичей, и против них Феанору было уже не устоять.

Подоспевшие сыновья потащили было Феанора обратно, но Феанор приказал им остановиться. Сыновья остановились, сообразив, что следующим номером последует приказание долго жить. Однако и перед смертью он успел натворить дел в своих худших традициях: три раза проклял имя Моргота и переложил на сыновей выполнение своей клятвы, чем они, конечно же, были несказанно обрадованы.

А потом, как и положено перед смертью, вспомнил Феанор всю свою жизнь, и так она ему не понравилась, что, не успев помереть от ран, он сгорел со стыда. Сгорел дотла, оставив огорошенным сыновьям объясняться перед родичами, почему нет могилы и куда делся труп.

А тем временем война шла своим чередом — Моргот сделал вид, что готов на перемирие, братья сделали вид, что поверили, новая стычка, и в результате старший из Феано-рычей — Маэдрос — оказался заложником в Ангбанде. Моргот приковал его за руку к высокой скале, и было там несчастному холодно, голодно и очень одиноко.

Но тут впервые взошло Солнце, а со стороны тундры послышались проклятия — это в Средиземье вступил Финголь-фин со своим отрядом. Моргот и его команда в ужасе попрятались в подвалы, а Маэдрос воспрянул духом, когда Финголь-фин грозно постучал в ворота темной крепости, но этим стуком дело и ограничилось: услышав испуганный хор орковских голосов «Никого нет дома!», сей благоразумный король двинулся дальше. Тем более что основная часть его войска страст* не желала прежде всего увидеть сородичей. Феанорцы от предстоящего радостного свидания ничего хорошего не ожидали и почли за лучшее, бросив дома и пожитки, разбежаться.

Составляя дальнейший план кампании, Фингольфин замешкался и тянул до тех пор, пока собственный сын Фин-гон не подложил ему свинью. Он в одиночку отправился в Ангбанд и выручил из беды несчастного Маэдроса. Правда, в последний момент выяснив, что позабыл ножовку, Фин-гон попросту отрубил товарищу руку, но это оказалось даже полезно — однорукий Маэдрос резко поумнел и присмирел. Вернувшись, он с ходу отказался от претензий на верховенство, и Фингольфину ничего не оставалось делать, кроме как признать факт примирения и еще раз разгромить остатки морготовских войск.

Началась почти мирная жизнь, и началась она с нового конфликта — Тингол, безвылазно сидящий в Дориате, считал себя королем всего Белерианда и весьма холодно воспринял появление конкурентов.

Чуть было не случилась очередная кровопролитность, но Маэдрос все же сумел ее предотвратить уговорами и посулами. Он с грехом пополам распикировал братьев по окрестным землям подальше друг от друга, надеясь, что хоть теперь эта милая семейка перестанет напоминать пауков в банке. И для полного счастья был устроен праздник, на котором, как ни странно, никто никого не убил, а наоборот, количество дружеских клятв и заБерений в братской любви, прозвучавших на нем, было занесено в Книгу рекордов Гиннеса и с тех пор не превзойдено. Прошло пятьдесят лет, и Моргот вновь захотел испытать силу и бдительность врагов. Испытание удалось на славу — войско было вновь уничтожено до последнего орка, а вокруг Ангбанда было поставлено оцепление. Занеся результаты испытаний в картотеку, Моргот успокоился еще на сотню лет, а потом опять повторил тот же эксперимент с теми же последствиями, и наступило еще сто лет затишья. За это время Моргот создал концепцию нового вида вооружений — огненного дракона, и изготовил первый опытный образец. Молодой и глупый, дракон Глаурунг выполз из ворот Ангбанда. Эльфы в ужасе разбежались, и дракон....(фрагмент опущен), осквернив тем самым окрестные поля. Но пока Глаурунг занимался этим грязным делом, Фингон со своими лучниками закидали его стрелами, и пришлось ему уползти назад, ибо это было вредно неокрепшему организму. И еще на двести лет в Белерианде воцарился относительный покой.

О БЕЛЕРИАНДЕ

Из географических объектов в Белерианде имелись реки, озера, горы, равнины, пещеры, заливы, леса, поля. Их взаимное расположение, конечно же, очень интересно, но перескальвать на десяти страницах то, что можно нарисовать на одной несложной карте, — кому надо, тот пусть и займется.

О НОЛЬДОРАХ В БЕЛЕРИАНДЕ В ПЕРИОД МИРНОЙ ПЕРЕДЫШКИ

Как уже было рассказано, ценой многих скандалов и испорченных отношений Маэдрос расселил братьев по окрестностям. Те, кто был поумнее, сразу же принялись искать укромные места, в которых можно будет пересидеть будущие катаклизмы — в том, что они будут, никто не сомневался. Лучше всего это получилось у Тургона Фингольфиныча, который нашел укромную долину и построил там город Гондолин, а построив, увел туда свой народ и принял все меры, чтобы во внешнем мире о нем как можно скорее забыли. Немногим хуже Тургона устроился Финрод Финарфинович, устроив себе пещерный город Нарогтронд, конечно, похуже Дориата, но тоже ничего себе.

И кстати, о Дориате. Галадриэль торчала там почти безвылазно, ибо был у Тингола родич Селебэрн, красивый и не очень умный — а для Галадриэлевых планов такой муж годился лучше некуда. Слово за слово, Мелиан вытянула у нее подлинную историю нольдора, включая и клятву, и резню, и милое напутствие Мандоса. Мелиан рассказала мужу, Тингол не сказал больше никому, но не прошло и года, как все синдары знали об этом в три раза больше, чем произошло на самом деле.

Теперь Тингол уже не мог закрывать глаза на прошлое союзников, но в то же время и не хотел с ними рвать окончательно. Поэтому он ограничился мерами чисто внешнего характера: устроил при свидетелях скандал первым подвернувшимся под руку Финарфинычам и запретил нольдор-ский язык. Однако Галадриэль со двора не прогнал, а обруганным братьям намекнул, что, дескать, я скоро успокоюсь и все будет нормально.

О МАЭГЛИНЕ

Вместе с Тургоном жила в Гондолине его сестра Аредель Ар-Фейниэль, белая леди нольдора, и вздумалось ей однажды в лесу погуляти. Ее понять можно, ибо в Гондолине она просидела безвылазно двести лет. Тургон ответил:

— Иди уж. Правда, из-за этого мой город погибнет, но он и так когда-нибудь погибнет. И кстати, Фингона найдешь, посмотришь, как он там поживает.

- Еще чего! — ответила Аредель. — Куда хочу, туда и иду, и не нужны мне всякие Фингоны.

Они так и не договорились. Охрана получила команду при первой возможности тащить Аредель на север, а она, из чувства противоречия, повернула на юг, в самые опасные дебри. Возникло сложное положение, из которого охранники умело вышли. Вернувшись в Гондолин, они рассказали об ужасах и страхах южной земли и про то, как Аредель напилась из отравленного источника, провалилась в пропасть, а потом заблудилась в лесу.

Аредель же после напрасных поисков спутников продолжала прогулку и наконец добралась до земель своих родственников Кол егорма и Куруфина, у которого был скверный характер. Там она снова пошла в лес, и заново там заблудилась.

В том лесу жил да был Эол Темный Эльф, который в свое время не поладил с Мелиан и не поселился в Дориате. Он постоянно якшался с гномами, и в конце концов про него начали ходить слухи, что он и не эльф вовсе, а метис-полукровка чуть ли не с орком, тем более что он до дрожи не любил солнечный свет. Эол привел Аредель к себе домой и

....(фрагмент опущен). Поначалу ей это понравилось, но

долгая жизнь в качестве внебрачной жены для внутреннего пользования ее отнюдь не прельщала. Поэтому сына Маэглина Аредель с самого раннего детства настраивала на то, что он будет жить среди нольдоров. Папа Эол, когда узнал об этом, был вне себя и запретил говорить об этом. Маэглин, как послушный сын, говорить перестал, но в одно прекрасное утро, вернувшийся из гостей Эол нашел дома приятную чистоту на кухне и маленькую записку: «Ушла навсегда, прости и прощай. Завтрак в холодильнике».

Эол взвыл в голос и бросился в погоню, не обращая внимания даже на то, что стоял солнечный день. Но нехватка опыта дневной жизни сказалась — Эол был схвачен и приведен к Куруфину, тому, у которого был скверный характер.

—....Смотрите, кто пришел! — издевался Куруфин. — Такие эльфы, и без охраны. Какого ты тут бродишь, может, потерял что? Так я найду, лишь бы тебя с глаз долой сплавить.

Эол замялся: ему совсем не хотелось посвящать кого-то в свои личные дела, и он придумал свою версию: Моя жена к тебе в гости собралась, ну и я тоже вот...

Кого обмануть хочешь, а? Если б они с тобою на хвосте заявились, то я и разговаривать бы не стал с такой компашкой. Но она от тебя сбежала, и, как мужик мужика, я тебя понимаю. Езжай и разбирайся с этим делом, и чем скорее, тем лучше.

Ладно, ладно, — ответил Эол, залезая на коня, — я тебе, родственничек, это припомню.

Крути педали, пока не дали, — сказал хмуро Куруфин. — Жалко, что я тебя прямо сейчас убить не могу, этикет не позволяет.

Эол не стал затягивать прощание и убрался вне себя от злости.

Аредель же с Маэглином, совершенно позабыв о необходимой конспирации, добрались до Гондолина и явились Тургону, который был очень рад. Правда, радость его омрачилась, когда следом за сестрою с племянником к нему приволокли нечто сутулое и мрачное — это Эол попался на подходах к городу. Тургон был в очень хорошем настроении и предложил Эолу остаться жить в Гондолине, просто так, безо всяких. Эол же держался угрюмо и нагло, требовал отдать сына взад, а когда разговор пошел на обострение, вытащил отравленный дротик и кинул его в Маэглина по принципу «ни себе, ни людям». Сына своим телом заслонила Аредель, дротик воткнулся в нее, и очень хорошее настроение у Тургона сменилось очень плохим. Эола сбросили в пропасть, но перед смертью он проклял Маэглина и предсказал ему много неприятностей. Неприятности начались сразу же — Тургоно-ва кузина Идриль, на которую Маэглин поглядывал с интересом, теперь не желала иметь ничего общего с «этим проклятым», и Маэглин с горя стал искусным мастером, смелым воином и мудрым советником.

О ПРИХОДЕ ЛЮДЕЙ НА ЗАПАД

Люди пришли на Запад.

О РАЗРУШЕНИИ БЕЛЕРИАИДА И ГИБЕЛИ ФИНГОЛЬФИНА

Все было хорошо в Белерианде, если не считать, конечно, мелких усобиц среди людей, провокаций Моргота и грызни среди эльфов. Фингольфину это начало казаться подозрительным, и захотелось ему вновь повоевать по-настоящему. Тем более что песни менестрелей, в двести первый раз пересказывающих историю того, как король в Ангбанд стучался, уже не вызывали в народе того воодушевления, что раньше. Но эту идею никто не поддержал, считая, что война — дело ненадежное, на ней, кроме всего прочего, ведь и убить могут. Таким образом, несмотря на старания великодушного Фингольфина, мирный период протянулся еще лишних пятьдесят лет. Но потом уже и сам Моргот решил, что пора бы поразмяться и чего-нибудь осквернить.

И вот в одну из зимних ночей тени вновь удлинились, а расслабившийся караул не обратил на это внимания. А зря. Когда тени удлиняются, всегда жди какой-нибудь пакости! Сначала Моргот

включил извержение вулкана, потом землетрясение, газовую атаку бинарными зарядами, модернизированных драконов, барлогов, плодовых орков, голодных волкодлаков — и все это обрушилось на Белерианд. От свирепых и ужасных нольдоров остались рожки да ножки, да Феанорова родня, каковая с ожесточенными боями разбежалась кто куда, нанося урон превосходящим силам противника. Тут-то Фингольфин и понял, что пришло его время. Он оседлал своего коня, в ярости домчался до Ангбанда и повторил свой давнишний подвиг — постучал в ворота с криком: «Моргот, выходи, подлый трус!» А Моргот взял да и вправду вышел.

Несчастный, больной, он вяло взглянул на раззолоченного и высеребренного Фингольфина и, постанывая от боли в облученных руках, замахнулся тяжелым молотом. Но великодушный Фингольфин не стал ждать и отскочил в сторону, ударив при этом Моргота ниже пояса. (Авторское примечание: я не утверждаю, что удар был нанесен именно туда, куда вы подумали, тем более что у Моргота, как у валаров(фрагмент опущен) могло и вообще не быть. Но поскольку Моргот был очень велик, выше пояса Фингольфин достал бы ему, только забравшись на стремянку. Желающих разобратся в правомочности рыцарского поединка на таких условиях я отсылаю к славному рыцарю Б.Б.Б. и его команде. Конец авторского примечания.)

Семь раз это повторялось, и утомленный однообразием Фингольфин отвлекся, поскользнулся, угодил под удар, и так три раза подряд. Моргот облегченно поставил ему ногу на горло, но и в эту ногу ухитрился вонзить клинок Фингольфин перед смертью. Убедившись, что настырный король наконец-то укоцан, черный владыка, хромая, поплелся обратно, волоча молот за ручку, и с тех пор он удалился от дел, предоставив их молодому и энергичному Саурону, который рьяно взялся оправдывать доверие.

Так прекратили свое существование королевства Беле-рианда, кроме Дориата, Гондолина и Нарогтронда. Властители этих секретных поселений в один голос утверждали, что их час еще не пришел, и на вопросы, когда он придет, отвечали, что тогда это будет сразу заметно. А по остальной территории бродили остатки эльфов и людей, разрозненные отряды орков, еще какая-то живность, и при случайных встречах догрызали друг друга в локальных конфликтах. Морготовские слуги повсюду рассказывали гнусные истории про эльфов и склоняли людей и гномов на свою сторону. Если учесть, что в основном эти рассказы были правдой, то неудивительно, что многие действительно продались темным силам, а удивительно, что не все.

О БЕРЕНЕ И ЛЮТИЕН

Шла Саша по шоссе и сосала культю.

Берен был знаменитым партизаном и террористом-одиночкой. Его предысторию я пересказывать не буду, а сама история фактически начинается с того момента, когда отряд береновского отца Барахира разгромил Саурон. Сделано это было с такой жестокостью и коварством, что с тех пор подчиненные уважительно называли Саурона «майяр госбезопасности». Из всех людей отряда Берен уцелел тогда один и был так потрясен, что стал вегетарианцем и принялся совершать подвиги. Четыре года он в одиночестве вел борьбу со злом, жалея разве только об одном — не было у Моргота железных дорог, а то ведь одних поездов сколько под откос пустить можно было бы!

В конце концов против него был снаряжен специальный карательный отряд, и пришлось Берену уходить на юг, где граничили волшебство Мелиан и колдовство Моргота. Как всегда на стыке двух ведомств, в этих местах имелись некоторая бесхозяйственность и разгильдяйство, и Берен сам незаметил, как оказался на территории Дориата. И вот шел-шел, значит, Берен по Дориату и повстречал Лютиен Тинголовну, которой по наследству от мамы передалось стремление к низшим расам. Как зверь кинулся он в погоню — не знал тогда Берен, что мог бы и не бегать, ибо судьба их и так

уже была предрешена. Лютиен сама к нему вернулась, вложила свою руку в его ладонь и... (фрагмент опущен)....(размышления автора опущены).

Так прошли весна и лето, Берен и Лютиен бродили по лесам, и все шло лучше некуда, пока не повстречал их в лесу менестрель Тингола Дазрон, тоже имевший на Лютиен некоторые виды. Утонченный и благородный, он тем не менее настучал на возлюбленную напрямую королю, и не успела Лютиен опомниться, как ее уже волокли к папане. Для начала Тингол пришел в ярость, а потом, уставши, он пришел в печаль. Не дожидаясь, пока он отдохнет и опять придет в ярость, Лютиен выговорила у отца обещание не убивать Берена и не заключать в тюрьму, и, боясь упустить момент, сразу представила Тинголу своего, как это теперь называется, друга.

Конечно, Тингол был эльф из перворожденных, то есть, среди всего прочего, культурен, вежлив и благороден. Но эти качества, видимо, он берег для сородичей, а с расово неполноценным Береном разговор был начат в манере воспитательной беседы солдата второго года службы с зеленым новобранцем, интересующимся, почему мыть пол должен именно он.

—....Ты вообще кто такой, родимый? Я ж тебя в упор невижу!

Берен попытался что-то сказать, но Тингол его оборвал:

—....Молчать, я вас спрашиваю! Чего тебе в своем вонючем краю не сиделось? Научился, понимаешь, на пузе ползать...

Берен посмотрел в глаза Лютиен и понял, что судьба судьбою, но еще пара минут такого разговора, и она не то что любить — уважать его перестанет.

-....Пришел я сюда просто так, гуляючи, а теперь хочу твою дочь в жены взять как честный человек, уж очень она у тебя замечательная. И хамить на меня тоже не стоит: я, между прочим, орков только так режу.

Тингол медленно ответил:

- Ну дочка, знала, что делала, когда поклясться, заставляла. А то прям на месте убил бы ублюдка.

- Никакой я не ублюдок, — обиделся Берен, — у меня документ есть, вот папа, вот мама, все путем.

Мелиан наклонилась к Тинголу и сказала тихонько:

—....Не горячись дорогой, его и без тебя найдется кому убить.

Тингол еще некоторое время сидел надувшись, но потом решил, что так даже лучше, и сказал:

-....Ну, раз документ есть, то другое дело. Значит, так: ты приходишь ко мне, в одной руке документ, а в другой силь-мариль. И я тогда не возражаю. Так что неча губы дуть, идавай скорее в путь. Государственное дело. Ты улавливаешь суть?

Но тут уж и Берен обозлился:

—....Значит, на камешек свою дочь менять? Ну и чмота же ты, король! Когда мы повстречаемся вновь, моя рука будет держать сильмариль. До свиданья, я еще с тобою повстречаюсь.

Когда Берен ушел, Тингол попытался стусевать впечатление от слов Берена, долго и путано объяснял, что парень идет на верную смерть и он все правильно придумал, что на хамство людское только так и можно отвечать, но его слова мало кто слушал.

Берен же выбрался из Дориата и отправился в дорогу, памятуя, однако, при этом, что нормальные герои всегда идут в обход. В конце концов его занесло в окрестности Нарогт-ронда, и, чтоб не пристрелили ненароком, дальше Берен шел, время от времени нервно вскрикивая: «Нихт шиссен, я есть Берен!» — а орки разбегались с его дороги врассыпную, решив, что это хитрый подвох коварного диверсанта. Наконец, охране Нарогтронда надоело слушать эти однообразные вопли, Берена схватили и привели к королям.

А в те времена в Нарогтронде собралась милая компания: король Финрод-Фелагунд-ибн-Финарфин якобы главный и двое Феанорычей-приживальщиков, которые чем дальше, тем активнее пытались захватить власть. Перед этой троицей Берен и излил свои печали, а закончил просьбой помочь. Реакция на

его рассказ была неоднозначной. Финрод понял, что затея Тингола в конце концов аукнется в основном самому затейнику, и загрустил. Колегорм указал, что если сильмариль будет добыт, то Феанорычи все, как один, вспомнят старую клятву, ибо Берен не Моргот, и против него геройство проявлять очень даже можно. Следом за Колегормом выступил Куруфин, у которого был скверный характер. В соответствии с ним он долго запугивал собравшихся силами и мощью врага, а вывод сделал такой: пусть Финрод отправляется с Береном, а мы уж тут как-нибудь без него управимся. Несчастный король понял, что если он сегодня не уйдет совершать подвиги, то завтра его все одно так или иначе уберут, и почел за лучшее отправиться в дорогу.

Осенним вечером Финрод и Берен с десятком спутников покинули Нарогтронд, между делом перебили подвернувшийся под руку отряд орков и, воспользовавшись трофейной формой и документами, добрались аж до башни Саурана, таким образом предвосхитив один из подвигов четырех танкистов и собаки. Но Саурана обмануть не удалось, и произошло знаменитое столкновение Финрода и Саурана — дуэль на песнях. Говорят, что именно такое единоборство выбрал Саурон потому, что хотел отыграться за поражение своего хозяина давным-давно, и если это так, то цели своей он добился. Команда была побеждена и брошена в глубокую яму, в которую время от времени забредал волк-оборотень и съедал одного из товарищей — не со зла, а исключительно с голодухи.

В те мгновения, пока Берен летел вниз, сердце Лютиен сковала морская болезнь, а добрая мамаша попыталась успокоить дочку тем, что надежды на спасение парня все равны, но нету и нечего зря страдать. Лютиен действительно не хотела зря страдать, а для того, чтобы страдать не зря, она решила сбежать к Берену в компанию. Все тот же благородный и влюбленный Даэрон вновь сдал Лютиен Тинголу, который несколько опешил, но практической сметки не потерял. Для дочери был выстроен дом со всеми мыслимыми удобствами, вплоть до зарешеченных окон, но зато без дверей, и, по мнению Тингола, этого должно было хватить для возвращения Лютиен хорошего настроения. Но она не поняла отцовской заботы и, усыпив охрану, сбежала, прикрывая свою красоту плащом из собственных волос.... (Размышления автора о подробностях прикрытия красоты, как всегда, опущены, а жаль. Хотелось бы наконец узнать, какие еще пошлости могли родиться в его воспаленном воображении.)

И случилось так, что пошла Лютиен напрямик в ту местность, где сволочные Феанорычи из Нарогтронда развлекались волчьей травлей. Главный волкодав по имени Хуан (хоть и не сильно породистый, зато из Валинора родом и посему имеющий право три раза за свою жизнь высказаться вслух) привел Лютиен к Колегорму, который, заглянув под волосы, решил не торопить события и не афишировать свою осведомленность по береновским делам. Лютиен же по молодости лет доверилась братьям и в результате оказалась под замком с перспективой насильственной выдачи замуж за Колегорма. Из этой ситуации был простой выход — надо было и Куруфину со скверным характером дать увидеть то, что под волосами, а дальше Феанорычи все бы сделали сами. Но случилось по-другому: в одну прекрасную ночь пес Хуан без церемоний принес ей плащ, сказал: «Венсеремос, сеньорита!», и они вместе бежали из Нарогтронда.

А тем временем в подземелье дела шли своим чередом. Волк-оборотень доел почти всех арестованных, оставив Берена на предпоследнее кормление, а Финрода на последнее — так его попросил Саурон. Но Финрод разорвал оковы и в следующий заход сам подставился волку, так что Берен остался один.

— Финрод, Финрод, — оплакивал Берен друга. — Ну что б тебе раньше эти оковы не разорвать, да и не только на себе, а и на всех остальных тоже, глядишь, чего бы и нарисовалось, а теперь совсем конец мне, несчастненькому...

Как раз в это время на мосту появилась Лютиен верхом на Хуане. Встав на мосту, она запела песню, а Берен, услышав ее голос, упал в обморок, что в общем-то простительно — столько всего с ним случилось, а тут еще и песня. Саурон тоже эту песню услышал и для разминки послал на мост волка, которого Хуан без лишних слов отправил со снижением в сторону моря. Саурон пожал плечами,

послал следующего волка, и дальше все пошло как по писаному — волков у Саурана хватило часа на четыре, но потом он решил, что разминка закончена, и, превратившись в волка, двинулся вперед сам.

На этот раз Хуану пришлось несколько напрячься, но с помощью Лютиен, которая в критический момент вкатила Сауруну в глаза порцию «СиЭс» из баллончика, враг был повержен, а чтоб не дергался, она пригрозила лишить его крайней плоти и отослать к Морготу. «И будет он вечно обзывать тебя тем, кем ты тогда окажешься, если не уступишь мне власть над твоей башней». Тогда Саурон признал себя побежденным, превратился в летучую мышь и улетел переживать, а Лютиен, встав на мосту, на котором она и так уже давно стояла, объявила о своей власти. Радостные вопли пленников и узников огласили окрестности, но Берен все еще лежал в шоке от услышанной песни, и пришлось Лютиен его откачивать. Радостные, они взглянули в глаза друг другу, и день засиял над ними, и до самой осени держалась в тех местах хорошая погода.

Среди пищевых отходов Берен отыскал фрагменты Финрода и захоронил несколько наиболее крупных рядом с башней, так что место в какой-то степени очистилось. Теперь Берен и Лютиен снова были свободны и, как говорят легенды, куда-то «отправились через леса», видимо, решив в этих лесах от души побродить. А выпущенные на волю пленники и узники вернулись в Нарогтронд и раскрыли местному населению глаза на предательство Колегорма и скверный характер Куруфина. Произошел новый переворот, и власть взял Финродов брат Ордорет. Некоторые горячие головы предлагали заодно порешить Феанорычей, но Ордорет на это ответил:

— Интересненькое дело? А с кем же я тогда семейной грызней буду развлекаться, с орками? Воля моя будет такая: братьев не убивать, а попросту прогнать в шею, с побоями, но без увечий. И жрать в дорогу не давать, чтоб злее были!

- LET IT BE! — ответил Колегорм и принялся сверкать глазами, а Куруфин радостно засмеялся — такое развитие событий как нельзя лучше соответствовало его скверному характеру.

Прихватив с собой верного Хуана, братья отправились в изгнание, и так случилось, что по дороге повстречали они Берена с Лютиен, которые все никак не могли набродиться по лесам. Колегорм вспомнил о том, что он видел под волосами, и два высокорожденных эльфа решили снизойти до разборки с Береном. Лучше бы они этого не делали — многоопытный диверсант и ниндзя Берен ударом ноги в прыжке повалил Куруфина и его лошадь, а пораженный такой крутостью пес Хуан с криком: «Но пасаран!» — накинулся на своего хозяина Колегорма. Тот проклял пса, а потом заодно и своего коня, но делу это не помогло, равно как и ку-руфиновское проклятие в сторону Берена — тот продолжал его душить и задушил бы, если б в Лютиен не проснулась национальная эльфийская традиция оставлять в живых обиженных родичей, чтобы потом было не так скучно. Берен послушался и отпустил недодушенную жертву, вернул братьям оружие и недружелюбно пожелал счастливого пути. В качестве ответного прощания Куруфин, о характере которого говорилось уже достаточно, пустил дуплетом две стрелы, одну из которых перехватил зубами Хуан, а вторая воткнулась Берену в грудь.

Но все обошлось — Хуан принес некой травы, к которой Лютиен добавила некоего массажа, и снова стал Берен как новенький. Но была у этого возрождения и обратная сторона: воспрянувший Берен вспомнил о своей клятве и сбежал от спящей Лютиен искать на свою, мягко выражаясь, голову приключений. Но отделаться от подруги не удалось — верхом на Хуане она его догнала, и многое было сказано ими друг другу.

Пока влюбленные лаялись, Хуан не теряя времени принес из башни Саурана волчью шкуру и крылья летучей мыши — для маскировки. Увидев Лютиен в таком наряде, Берен сначала чуть не упал в обморок и на кокетливый вопрос: «Ну как?» — собрав все свое мужество, ответил, что красивой женщине любой наряд к лицу. Польщенная Лютиен напялила на него шкуру волка, и они отправились в поход. По дороге Берен настолько вошел в образ, что под конец пути начал завывать на луну, но тем не менее появление уже один раз убитых волка и летучей мыши перед Анг-бандом было воспринято настороженно, тем более что рядом с ними вприпрыжку бежал известный своей верностью Хуан.

В то время у ворот в замок жил волк Кархарот, записанный в штат на должность сторожевого полкана. Из-за этого у Кархарота со временем развился комплекс неполноценности, и иметь с ним дело стало опасно. Но в Лютиен пробудилась древняя сила, и притащила она к воротам цветной телевизор «Горизонт» пятого поколения. Как раз в это время на экране показался доктор Кашпировский, и, едва услышав его голос, Кархарот заснул как убитый. Путь в замок был открыт. Берен и Лютиен долго бродили по замку, усыпляя попадавшихся по дороге орков, драконов, барлогов и прочую домашнюю живность, и, наконец, добрались до тронного зала, где, пригорюнившись, сидел Моргот. Увидев Лютиен, он приосанился, поправил корону и на миг представил себе, как он будет....(ну, в общем, ясно, с фрагментом, как обычно).

Трудно было усыплять Моргота, но в Лютиен проснулась еще одна древняя сила, и стала она молчать голосом Алана Чумака. Через минуту в зале раздалось равномерное похрапывание, Берен неаккуратно отковырял от короны один сильмариль, и они с Лютиен рванули на выход. Но у ворот их встретил проснувшийся Кархарот. Оплошал на этот раз доктор Кашпировский — вместо того, чтоб стать спокойнее и добрее, этот зверь стал злее и агрессивнее, и случилось так, что оттяпал он руку Берену прямо вместе с камнем, а еще и манжету от рубашки прихватил. Рубашка была давно нестираная, да и камень жегся, и убежал Кархарот наводить ужас на северные земли. А с Береном и Лютиен дальше получилось все как в сказке: прилетели к воротам Ангбанда три орла и унесли обоих обратно в Дориат, то есть двое несли, а третий гордо летел сам по себе рядом, ибо был это самолично Страйк Игл Тородор (MANVE AIR FORCE). Лютиен с Хуаном вновь применили испытанные средства (травы и спецмассаж), и вновь ожил Берен, а оживши, увел Лютиен бродить по лесам, и не торопились они переходить к другим занятиям.

А в тем временем Тингол во дворце томился и страдал. Сунулся он было к жене, но Медиан нагнала на него холоду, обрадовался было сообщению из Нарогтронда — а следом и другое. Извелся вконец Тингол, и когда, наконец, в Дориат ворвался бешеный Кархарот, а из лесов ко дворцу вышли Берен и Лютиен, он почувствовал даже облегчение.

-....Я пришел за тем, что принадлежит мне! — гордо сказал Берен, стоя, однако, при этом на коленях.

—....А как насчет... ну... ты сам знаешь чего?

-....С этим все в порядке. Камешек у меня в руке. Правда, рука у волка в брюхе, ну так об этом-то уговору не было.

Тингол почесал в затылке, припоминая подходящее место из сказки про Федота, и ответил:

—....Ну да ладно. За престиж разве черта не простишь. Забирай девчонку в жены и катись куды хочишь. Только сначала с волком разобраться помоги, а то ведь все как есть испоганит.

Берен, чувствуя некоторую вину за некрасивые поступки волка и польщенный вниманием Тингола, согласился. Прихватив с собой верного Хуана и еще кой-кого по мелочам, они двинулись на охоту.

Волка выследили легко — он пытался утолить жажду у водопада, но сильмариль в брюхе Кархарота пылал, и вода, которую он пил, вырывалась из всех отверстий клубами пара. Легенды рассказывают, что «при их приближении волк бросился в атаку и заполз в заросли, затаившись там». Такой способ бросания в атаку был внове даже для опытного вояки Берена, и, поговорив с Тинголом, он просто выставил вокруг охрану. Верный же Хуан покинул охотников, за что Тингол про себя назвал его собакой. А тени в лесу удлинялись — верный признак того, что вот-вот, сейчас, все и начнется. И началось. Кархарот прыгнул из зарослей, ударил Берена в грудь и примерился отъесть следующую руку. Но из тех же зарослей выскочил Хуан и, возбужденно сказав, что «Соло ля люча, нос хара либрес, твою мать!» (это была его третья и последняя фраза), бросился на волка.

Пока Хуан и Кархарот занимались своими делами, Тингол занимался своими. Сидел Тингол рядом с Береном, который вдруг стал ему родным и близким, и оплакивал неизбежную смерть друга. Даже когда звери догрызли друг друга окончательно (счет оказался один-один в пользу светлого дела) и из брюха волка был извлечен сильмариль, и то не утешился Тингол, и лишь когда Берен окончательно помер, эльфийский король начал успокаиваться.

Но не тут-то было! Лютиен снова подложила папе свинью — ее дух отправился к Мандосу, и

пригрозила она, что будет петь для него до скончания времен или пока Берена не вернут на этот свет. Разбираться пришлось долго, дело дошло до Манве, который, как всегда, принялся вычислять, а что же думает об этом Илуватар. Но песня Лютиен долетала и до Манве, и в конце концов он сдался — Берену было разрешено вернуться в этот мир, но с твердым условием, что, когда ему снова придется помирать, Лютиен помрет вместе с ним тоже и петь при этом не будет.

Они вернулись сначала в Дориат, где Берену была организована еще одна порция спецлечения, а потом, во избежание новых приступов дружелюбия короля Тингола, удалились на уединенный остров, и не было больше в песнях новой информации о жизни Берена и Лютиен.

БИТВА НИРНАЕТ АРНОЕИНАД

*Подошла Бородина, Разыгралась драма,
Наши перли поперек, Французы перли прямо...*

В те дни по Белерианду только и разговоров шло, что про подвиги Берена. Слушая их, наш старый знакомый Ма-эдрос то и дело поглядывал на обрубок своей руки, размышляя, что если уж человек однорукий Моргота обыграл, то однорукий эльф и вовсе победит гада, так сказать, одной левой. И был создан «союз Маэдроса», который назвали так потому, что поначалу он, собственно, из одного Маэдроса и состоял. Занявшиеся, наконец, долгожданными междусобойчиками эльфы для порядка выделили союзу совсем немного бойцов, так что основной ударной силой у Маэдроса вдруг оказались люди и гномы. Только давний приятель Маэдроса Фингон Фингольфинович решил пойти на битву, да засидевшийся в Гондолине Тургенев последний момент воспылал боевым духом и тоже выдвинул войско.

Армии долго маневрировали, строились, перестраивались и снова строились по новой. А когда все было готово, Фингон воскликнул:

— День настал! Смотрите все, день настал, а ночь проходит.

И хотя факт наступления дня ни для кого секретом не был, но тем не менее войска пришли в возбуждение и начали битву задолго до того, как армия врага приблизилась.

Моргот, как обычно, задрожал на своем троне, и планы его едва не оказались нарушенными, но потом все пришло в норму. Эльфы и их союзники проявляли чудеса доблести/ героизма, орки гибли десятками тысяч, предатели изничтожались под корень, но при этом побеждали все-таки морго-товцы. Даже выдающийся успех гномьего короля Азгала, бросившегося с гранатой под танк... то есть, пардон, с ножом под дракона, не смог повлиять на исход битвы — она была проиграна. Умный Тургон вновь сумел скрыться в своем Гондолине, пока остатки людей во главе с Хурином прикрывали его отход — Хурин сам решил на этот благородный поступок, зная, что в Гондолин его все одно не пустят, и считая, что лучше погибнуть геройским способом, чем каким-нибудь иначе. Но получилось по-другому.

На шестой день немногие уцелевшие закрепились на обрывистом берегу реки и решили, что тут можно продержаться хоть месяц. Но орки на глазах у изумленной публики устроили между собой массовую резню, польза от которой оказалась двоякой: во-первых, выявились наиболее сильные, а во-вторых, из трупов слабых была наведена переправа, и случилось так, что от всего отряда остался один Хурин. Тем не менее он исправно махал мечом, выкрикивая новую истину, которая озарила его незадолго до этого:

- День придет снова! — кричал он, и этих криков он издал до семидесяти, напроорочив, таким образом, чуть больше двух месяцев. Убедившись, что больше ничего принципиально нового от Хурина не дождешься, враги связали его и потащили в Ангбанд, где Моргот по своей извечной привычке проклял пленника, а для того, чтобы окончательно его унижить, не стал ни убивать, ни мучить.

В Белерианде царила разруха. Орковские армии играючи добивали остатки организованных эльфов,

люди занялись предательством и мародерством, а в скрытых королевствах Гондолин и Нарогтронд горевали короли, предчувствуя свою скорую гибель. Главный корабель Сэрдан послал в Ва-лино несколько экипажей, но назад никто не вернулся, так что о том, какие чувства вызвал очередной успех Моргота у валаров, можно только подозревать — скорее всего никаких. Остатки эльфов были отправлены в рудники, и от того, что в те времена потребность в уране была невелика, им легче не было.

О ТУРИНЕ ТУРАНБАРЕ

*Уно, уно, уно, ун моментто
Уно, уно, уно сантиментто...*

Белагунд родил Риан и Морвен, Риан родила Туора, Морвен родила Турина, а еще Белагунд родил Лайлат, а Морвен родила Ниенор, но жизнь показала, что лучше бы этого не делали.

Итак, жена Хурина Морвен родила Турина и отправила его в Дориат к Тинголу. После истории с Береном Тингол очень изменился, подобрел, и, махнув рукою на секретность («А, все равно у меня двор уже не королевский, а тай, проходной!»), отдался король воспитанию маленького человека. Турин рос, мужал, учился давить встречных орков, и казалось, что все хорошо. Но как-то раз зашел Турин после боевых пропустить стаканчик в дворцовом буфете, а какой-то эльф из местных, Саэрос по имени, язвительно прошелся относительно людских женщин вообще и туриновской мамы в частности. Натурально, организовалась классическая драка в салуне с битием посуды и опрокидыванием столов, и опять дали себя знать эльфийские злопамятность и манера тянуть ссоры до бесконечности.

Был бы Саэрос человеком, так уже часа через два сидели бы они с Туринком в обнимку, со смехом вспоминая рожу буфетчика, когда на него рушилась стойка, но Саэрос был в натуре эльф. На следующий день он продолжил конфликт, но случилось так, что Турин оказался сильнее, а Саэрос хилее, чем они думали сами, и кончилось все по-мокрому. И сбежал Турин из Дориата, не обращая внимания на доносящиеся вслед крики Тингола: «Вернись, я все прощу!» — считая, что от добра добра не ищут.

После этого у Турина все пошло наперекосяк, и все, за что бы он ни брался, выходило неправильно. Друга своего убил, дракона не дорезал, Нарогтронд довел до разрушения, любимую эльфийку потерял, а собственной сестре сделал ребенка, и она утопилась, потом еще одного друга убил — словом, не жизнь пошла, а сплошные неприятности. Надоело это Турину настолько, что в конце концов он и сам зарезался. Это очень грустная история.

В общем, все умерли.

О РАЗРУШЕНИИ ДОРИАТА

Дальше было еще хуже. Коварный Моргот решил окончательно добить Хурина, и так морально надломленного хорошим обращением в темнице, и выпустил его на волю. Престарелый герой добрал до тех мест, где начинался Гон-долин, и попытался докричаться до Тургона, но тот сказал:

— Товарищи! Враг, который обычно просто не дремлет, теперь и вовсе не спит. Поэтому бдительность, товарищи, должна быть превыше всего. Я всегда уважал Хурина за его героизм, но тем не менее в Гондолин не пушу.

Так что Хурин довольно долго шумел впустую, а агенты Моргота снимали пеленги с его криков и делали на карте засечки. Следующую остановку Хурин сделал в разрушенном и разграбленном, но в то же время почему-то сказочно богатом Нарогтронде, откуда прихватил самое дорогое из изделий

гномов — ожерелье Наугламир, а почему его не утащил никто до того, можно только смутно догадываться. С этим ожерельем Хурин пришел в Дориат и швырнул его с гневными словами к ногам Тингола, припомнив королю и Турина, и Берена с Финродом. За мужа ответила Мелиан:

—....Хурин, тебя околдовал Моргот, и ты все видишь в превратном свете. На самом деле все было по-другому... запоминай: по-другому... по-другому...

Долго стоял Хурин неподвижно, лишь чуть покачиваясь в такт словам Мелиан и глядя ей в глаза. И он поднял с пола ожерелье, и с поклоном подал его Тинголу, сказав при этом уже совсем другим тоном:

—....Прими, о вождь, эту скромную вещицу, а я, пожалуй, брошусь в море, чтоб не смущать своим видом благородных и возвышенных и не напоминать им о грустном.

Говорят, он так и сделал, а Тингол, узнав об этом, восхищенно поцеловал супруге руку. Потом он оглядел Наугламир и решил, что не худо бы вправить в него береновский сильмариль. Недолго думая, он вызвал гномов, дал задание и стоял у них над душой на протяжении всей работы. Гномы оказались тоже не промах и под конец заявили:

Ну все, пока, мы пошли.

То есть как пошли?

А вот так. Бусики эти отцы наши не для тебя делали, а для Финрода, которого волк скушал исключительно через твою же затею. Улавливаешь?

Тингол уловил.

—....Ах вы... (термин опущен)... (глагол опущен)... (прилагательное опущено)!

Эти слова окончательно разъярили гномов, и великий король Тингол Серая Мантия первый и последний раз в своей жизни понял, что такое всерьез ответить за свои слова. Само собой, несдержанных гномов тоже порезали, но некачественно, и двое сумели сбежать в свой Норгорд, где два с половиной месяца подряд рассказывали о подлости и вероломстве эльфов.

А тем временем в Дориате происходили плохие перемены. Со смертью Тингола Мелиан больше ничто не удерживало в Средиземье — такие мелочи, как целый народ, продолжающий на нее надеяться, или дочка с внуком, в счет не шли. Мелиан наказала беречь сильмариль, сняла напряжение с колючей проволоки и отвалила не мешкая. Гномы же собрали войско, пришли в Дориат и учинили резню, а изнежившиеся за сотни лет безбедной жизни режимные эльфы оказать сопротивление не сумели. Но случилось так, что когда гномье войско с победоносным видом возвращалось обратно, лес наполнился звуками рогов, и посыпались стрелы — это Берен решил потрянуть стариной и вместе со своим сыном Диором во главе отряда зеленых эльфов совершил очередной акт возмездия, и ни один из гномов не добрался до дома. В качестве военного трофея Берену достался Наугламир с сильмарилем и проклятие гномьего короля в придачу. Берен огорчился и приказал бросить остальные сокровища в реку, видимо, опасаясь, что и их кто-нибудь проклянет. После этого прославленный герой вернулся к жене, а Диор отправился царствовать и править тем, что от Дориата осталось.

Как-то раз осенней ночью в двери Менегрота кто-то постучался, и оказался этот кто-то ни много ни мало, а повелителем зеленых эльфов. Молча подал зеленый молодому королю шкатулку, а в ней лежал все тот же Наугламир. Диор взглянул на него и понял две вещи: что Берен/Люттиен окончательно померли и что зеленый повелитель оказался умнее, чем выглядел, и не стал пытаться сильмариль заиграть. Надел Диор ожерелье и стал прекраснейшим из детей мира всех рас, хоть в школу фотомоделей, хоть куда.

Узнавшие об этом Феанорычи окрысились и принялись готовиться к очередной усобице. На этот раз свара, к их вящему удовольствию, получилась на славу. Диор перебил 42,8 процента сыновей Феанора (троих из семи), но и сам погиб, а его детей жестокие враги бросили умирать в лесу. Маэдрос, на которого отрезанная рука еще оказывала облагораживающее действие, искал их и аукал, но нашел ли он их и что с ними сделал, когда нашел, легенды умалчивают. Вовсяком случае, детей Диора больше никто никогда не видел.

Последние остатки благолепия Дориата были порушены, а народ перебит, но последние из

синдара сбежали к морю, и среди них была дочь Диора, Эльвинг, у которой в косметичке лежал Наугламир, замаскированный под дешевую бижутерию.

О ТУОРЕ И ПАДЕНИИ ГОНДОЛИНА

Злобные несчастья преследовали всю хуринско-туринскую родню, но за всех отыгрался Туор, двоюродный брат Турина, хотя и его жизнь складывалась поначалу весьма обыденно: в юности он три года пахал в рабстве у нехороших людей, но потом сбежал и занялся мелкой партизанщиной. И остался бы Туор рядовым героем, но случилось так, что повелитель вод Ульмо решил вплотную заняться Средиземьем: слишком часто стали плевать в светлые струи ручьев грязные орки, а поскольку ручьи тоже были Ульмовым воплощением, то понятно, что такие дела ему в конце концов надоели. В качестве орудия своего замысла Ульмо выбрал Туора: иметь дело с эльфами ему уже надоело.

И вот Ульмо заставил Туора уйти с партизанской тропы, добраться до моря и навеки полюбить эти синие просторы в надежде, что Туор в благодарность за экскурсию, не мешкая, примется за дело. Но молодой человек поначалу ожиданий не оправдал. Он поселился на побережье и предался лени и безделью, так что пришлось послать семерых огромных лебедей, летящих с юга. Увидев их, Туор сразу понял это каг? знак, дескать, он долго медлил, что делает честь его понятливости, кто другой бы мог и не догадаться.

Так Туор пришел в покинутые залы первого города Тур-гона и нашел там его меч, кольчугу и щит с личным номером. Туор их надел и вышел опять к морю. Там, среди восьмибалльного волнения, раздался величественный голос повелителя вод. Инструкции были краткими: добраться до Гондолина, а дальше все само собой пойдет. Туор было застремался, и Ульмо дал ему в провожатые эльфа-моряка, последнего из пытавшихся доплыть на Запад. По такому случаю Ульмо не стал его окончательно топить, и моряк преисполнился изумления.

Без приключений довел он Туора до Гондолина, а уж там его встретили, как и полагается, по одежке. Звенели трубы, били барабаны, эльфянки делали нарочито скучающие лица, но самую кислую гримасу состроила, конечно же, Ид-риль, дочь Тургона.

Туор стоял перед королем как болванчик, лишь раскрывая рот, а говорил за него опять же Ульмо. Сказано было, что Близок Час и что пора уходить к морю, каковое всегда было последней надеждой эльфов. Но за долгие годы самовластного и никем не контролируемого руководства Тур-гон разболтался. «Близок час, близок час, — думал он. — Времени только полдевятого. Знаем мы, какая там надежда, в море-то. Этот старый водяной одних наших сколько перетопил, не говоря уж о прочих недоделанных. И вообще, какого орка я буду верить этому смертному, запакованному в мои же доспехи?»

И решил Тургон никуда не уходить, а вместо этого поручил Маэглину составить план-график мероприятий по дальнейшему повышению и всеобщему укреплению бдительности и политической грамотности. Туор остался в Гон-долине, и действительно, все пошло само собой, но в немного ином направлении, чем хотелось Ульмо. Несмотря на то что с лесами на территории Гондолина было напряженно, Туор и Идриль все же ухитрились где-то побродить, и весной следующего года родился их сын — Эрендил, полуэльф.

Тургон оказался значительно умнее Тингола и не стал по этому поводу закатывать истерик или требовать невыполнимых клятв. Однако смуглый Маэглин, который все прошедшие столетия безнадежно сох по Идриль, созерцая счастливое семейство, окончательно почернел от злости и не мешкая пошел заниматься горнорудным промыслом. Засевши в шахте, он дождался, пока его не возьмут в плен орки, и под страхом пыток выдал город Гондолин со всеми потрохами, после чего был сразу же отпущен и доставлен обратно в шахту с нижайшей просьбой пока что помалкивать о приключении.

Семь лет готовился Моргот расправиться с остатками нольдоров в Средиземье, а

подготовившись, таки и расправился. В процессе общей резни эпизодами прошло несколько мелких резнюшек, в одной из которых, в частности, Туор ликвидировал Маэглина, еще раз таким образом доказав, что люди в разрешении конфликтных ситуаций всегда более конструктивны, нежели эльфы.

После этого Туор вывел остатки гондолинцев через аварийный тоннель, такой же, как когда-то Саурон построил в Ангбанде, но Моргот предвидел возможность плагиата своих идей. На выходе отряд Туора был встречен злыми криками орков и дружелюбной улыбкой Барлога. И была бы гон-долинцам тут окончательная хана, если бы не свалившаяся буквально с неба авиационная поддержка в лице орла Торондора с подчиненными. Орки были перебиты, а о том, куда делся Барлог, в легендах не говорится — возможно, среди Страйк Иглов и Файтинг Фалконов затесался Альбатрос-А-40 в противопожарном варианте.

И тогда увел Туор свою команду к берегу моря, и соединились они с отрядом Эльвинг, который уже окопался в тех краях — особенно тесно соединилась сама Эльвинг с Эрендилом. Для пущей официальности был избран очередной верховный король — Гил-Гэлад Фингович, но Морготу на это было в общем-то уже наплевать, верховный король, королевствующий над от силы четырьмя тысячами народу, его заботил не больше, чем какой-нибудь лидер народного фронта освобождения Бурунди заботит президента США.

Но коварный враг просчитался. Живя на побережье, эльфы вновь мозолили глаза Ульмо. Он мог, конечно, организовать цунами и затопить их всех разом, но тогда оставался открытым вопрос с орками, плюющими в лицо Ульмовым воплощениям, и поэтому повелитель вод отправился в Ва-линор. Там он принялся говорить о нуждах эльфов и о том, что нужно их запихнуть обратно к ногам великих, а Морго-та уничтожить, и тогда исполнится предначертание, а заодно и он, Ульмо, будет доволен. Но Манве, как всегда, начал мяться, жаловаться на то, что клятва Феанора ему неподвластна, и на этот раз ульмовские маневры кончились вроде бы ничем, но знающие верховного короля валаров окончательных выводов не делали, памятуя, что Манве всегда долго раскачивается перед тем, чтобы что-то сделать или не сделать.

А Туор же почувствовал, что стареет, построил корабль и поплыл на нем со женою своя на фиг, и говорят, что там ему сделали хирургическую операцию по изменению расы, причислили к светлым эльфам и предоставили все связанные с этим льготы. Вот как, оказывается, полезно вовремя попасться под руку кому-нибудь из великих в нужное время в нужном месте.

О ПУТЕШЕСТВИИ ЭРЕНДИЛА И О ВОЙНЕ ГНЕВА

Внучка Хурина и Лютиен пленила сердце сына Туора и Идриль, а он, в свою очередь, пленил сердце ее, и, таким образом, среди высоких эльфов продолжали появляться на свет креолы и метисы. Но по причине общего спада культуры расизм у остатков нольдоров не развился, и Элронда с Элросом (так звали очередную порцию полукровок) никто особо не шпынял. Вскоре после их рождения Эрендил затосковал о родителях и решил тоже поплавать по морю, совершенно упустив из виду, что оставшиеся 57,2 процента Феанорычей могут узнать о местонахождении сильмария.

А может, он и думал об этом, но чувствовал себя обязанным создать условия для развития дальнейших трагических эпизодов.

Итак, по отплытии Эрендила, к Эльвинг явились послы все той же неугомонной семейки и предложили дружбу в том смысле, что кто отдаст нам камешек, тому ничего не будет. Но гордая креолка (вернее, квартеронка) отказала братьям, и тогда вновь произошел вооруженный конфликт. На и так уже пощипанных изгнанников Гондолина набросились феаноров-цы, ставшие опять свирепыми и ужасными, но потом часть из них развернулась и пошла против той части, которая развернуться не пожелала, и как там все происходило дальше, сказать трудно, а когда на помощь своему и раньше-то немногочисленному народу вернулся от Кирдана Гил-Гэлад, то выяснилось, что теперь у него подданных осталось и вовсе всего ничего, и то, что число Феаноровых сыновей уменьшилось ровно вдвое, утешало, но не очень.

А Эльвинг с сильмарилем на груди пыталась утопиться в море, но Ульмо превратил ее в птицу и гнал ее над морем до корабля Эрендила, который уже бросил поиски папы-мамы, а держал курс ни много ни мало как на Валинор. Неизвестно, из каких соображений положил Эрендил усталую птицу к себе в постель, и нигде не говорится, что он ощутил, когда пернатое существо преобразилось в любимую женщину. По крайней мере с криками «Шайтан! Шайтан!» он в то утро на палубу не выскакивал, да и вообще в кают-компанию появился лишь к полудню с широкой улыбкой на лице.

Сильмариль оказался полезной вещью — с его помощью корабль Эрендила прошел через заграждения, хотя, конечно, может быть, что причиной этого было всего лишь вечное разгильдяйство телери, которые очень удивились, увидев в своей гавани чужое судно. Эрендил сошел на берег один, запретив это делать остальным.

— Во-первых, меня может постигнуть какая-нибудь кара, — объяснил он, — а во-вторых, у вас все равно валюты нет, а торговать водкой на припортовом рынке несовместимо с честью и достоинством эльфа.

Но жена оказалась упрямее, и в Валинор за ним все же увязалась. Тогда валары вновь занялись любимым делом — собрали совет. Эрендил рассказал о бедах Средиземья и испросил прощения для эльфов, и его просьба была удовлетворена — вот, оказывается, как все просто! Получается, что надо всего лишь было с самого начала наладить поточное производство эльфо-человеческих гибридов и отгружать их по пять-шесть штук в год курсом на Запад. Какой-нибудь да доплыл бы.

Потом на совете была поднята еще одна проблема.

—Останется ли в живых смертный человек, ступивший на бессмертные земли? — с намеком спросил Мандос. — Даже эльфов мы обратно еще не пускали. Ладно, сейчас этот для них прощения выпросил. Но приплыл-то он, когда запрет был в силе!

Ульмо ответил:

—Ну ты и кровожадный, однако: Эрендил был рожден с моим участием... то есть я хотел сказать: по моей задумке, специально для того, чтобы сюда доплыл.

Манве принял решение и объявил:

—Эхма, и так не сяк, и эдак не так. Казнить нельзя помиловать то есть получается. Тут еще с тех времен у меня вакансия есть на небе — Венеру нужно пристроить, дело хотяи полезное, но мелкое, майяра на него ставить жалко, вон Тилиону Луну дали, а он до сих пор дуется. Поэтому пусть этим занимается Эрендил. И с тех пор Эрендил мотается по небу, поблескивая в лучах зари, а с ним и ни в чем не провинившийся экипаж корабля, весь, кроме трех матросов, которых телери отвезли обратно на восток.

Как взошла Венера над горизонтом, так и поняли все, дескать, что-то будет. Моргот привычно задрожал на своем троне, а остальные Феанорычи посетовали на низкий уровень космической техники и вычеркнули этот сильмариль из списка первоочередных целей.

И наступила война гнева. Ради такого случая самолично благоразумный Финарфин возглавил отряд эльфов Валинора, и столько было их, что битва заняла всю тундру, напомнив веселые денечки Благословенной Предначальной эпохи, когда такие масштабные битвы происходили одна за другою.

Орки, эльфы и люди месились на земле, орлы реяли сверху, и каждые пять минут голубое небо перечеркивал дымный след сбитого дракона, с воем устремляющегося к земле. В конце концов Моргота зажали в подземелье, а потом brave пятнистые (не путать с зелеными!) эльфы из спецназа притащили за ошейник его голову к ногам великих. Голова молила о мире и прощении, но суровый Манве выбросил ее за пределы круга обитания (для непонятливых цитата из Стругацких: «Засунуть в spisанный «Призрак» и загнать в подпространство до скончания веков»), и на том закончились темный путь Моргота Гадкого и гадкий путь Моргота Темного.

Но даже после такой славной победы сыновья Феанора пытались поднять бучу, выпрашивая оставшиеся сильмарилы. От имени валаров им было отвечено, что суд решит. Маглор согласился, считая, что в клятве не сказано, что надо спешить. Но Маэдрос ответил:

— А если суд решит не в нашу пользу? Тогда наше невыполнение клятвы будет затверждено юридически. Так что саблю в руки и вперед!

По этому эпизоду, кстати, ясно видно, что терапевтический эффект усекования руки длителен, но не вечен. Логичным было бы тут же обрезать Маэдросу очередную конечность, но до этого никто не додумался. Переодевшись, последние отпрыски горделивого изобретателя забрались в лагерь победителей, вскрыли сейф с сильмарилями и унесли их с собою. Но, увы, навыки обращения с этими изделиями были давно забыты, и, будучи не в силах терпеть боль, Маэдрос бросился в самую глубокую пропасть из всех, что были обозначены на карте, а Маглор утопился в море, и район его утонутия долго считался зоной экологического бедствия. Остальной же нольдор почти в полном составе отправился обратно в Валинор, чтобы вновь занять пустующие места у ног великих.

Остались, или, как они сами говорили, «задержались на некоторое время», лишь те из эльфов, которым было чего терять. Остался Главный Корабел Кирдан, остался Гил-Гэ-лад-светлый-государь-последний-всеэльфийский-царь. Само собою, подзадержалась и Галадриэль, наконец-то получившая долгожданную возможность царить и править без помех, и остались сыновья Эрендила, Элронд и Эльрос, которые по странному капризу менделисто-морганистской лженауки оказались один — эльфом, но менее малахольным и злопамятным, чем другие, а второй — человеком, но долгожителем и красавцем.

На этом и кончается история сильмарилей. Она, конечно, и забавна, и мила, но, честное слово, после знакомства с ней немногие могут сохранить светлые иллюзии как по поводу эльфов да людей, так и по поводу валар-майярской мафии.

АККАЛАБЕТ (оно же АЛЛАХ АКБАР) Гибель Нуменона

План Мао-Цзэдуна по завоеванию России: против русских мы выставим двадцать армий по двадцать миллионов, а впереди пустим танк. Танк русские подбьют, а армии сдадутся в плен. И Россия наша!

Среди эльдарцев рассказывают, что люди пришли в мир во время тьмы Моргота и поэтому оказались в большинстве своем сволочами. Но были и такие, что отвернулись от зла и отправились на Запад, ибо там был свет — под светом, наверное, имеется в виду благородное фосфорецирование глаз последователей Феанора и Фингольфина, а также и все, что связано с их историей. Прямо скажем, еще тот получился светоч.

С кем поведешься — с тем и наберешься, причем того же самого. Друзья эльфов, или, как их называли, эдайн, сплошь и рядом оказывались пойманными в сети невеселой судьбы богами проклятого нольдора и страдали от этого неимоверно. Но, как остроумно однажды подметил Хурин, день все-таки пришел снова.

Моргот был ликвидирован, эльфы возвращены к ногам великих, а для эдайна было выделено вознаграждение в размере:

- а)....мудрости — в объеме энциклопедии Брокгауза—Ефрона;
- б)....долгожительств — по пятисот лет на человека в среднем;
- в)....силы — до хрена;
- г)....островов благоустроенных с фонтанами и клумбами — одна штука;
- д)....керенками — полтора метра.

Отсчитав дары, Манве сказал:

— Но учтите, ребята, что сверх этого — ни-ни. Одного полуэльфа, на Валинор забредшего, я нашел куда пихнуть, но если за ним толпы попрут, получится нехорошо.

Так начал свою жизнь народ Нуменора, который поначалу был настолько светел, что даже снискал себе гордое прозвище Серых эльфов. В соответствии с этим названием нуменорцы стали

величественными и красивыми, а также по примеру натуральных эльфов резко снизили рождаемость. Вообще эльфообразность и эльфоподобность процветала вплоть до того, что каждый король придумывал себе имя покрасивее, переводил его на эльфийский и с тех пор так и именовался. Хорошо жилось в Нуменоре!

В то же время оставшиеся в Средиземье народы предались злу и пороку, которые в свое время посеял Моргот. (Семена без потерь перележали войну — и вот, пожалуйста, инда взопрели озимые.) Короли на материке были один другого гаже, и люди под их руководством быстро опускались и глупели. Дошло до того, что, когда нуменорцам вздумалось навестить старые места, на берегу их встретили абсолютные папуасы, которых пришлось заново обучать сеять зерно и рубить лес.

Распределенные по лесоповалам люди быстро поумнели вновь и стали жить лучше, а нуменорцы же от этого возгордились невероятно. Принимая эффектные позы, они красовались друг перед другом, восклицая:

— Ах какие мы! Ух какие мы! Прямо эльфы, ни дать ни взять, прямо жалко, что такая красота и светлизна не остается в мире навечно. А и вправду, чего бы нам вечно-то не жить?

Эльфы живут — и ничего, валары тоже у себя там всю жизнь как на спецдаче. Вот как соберемся да как двинем на Валинор, тамошнего воздуха дохнем и обессмертимся.

Как уже сказано, нуменорцы были друзьями эльфов, а эльфы были соответственно друзьями закадычными для нуменорцев, но дружба дружбой, а служба службой, и заложили эльфы нуменорцев, совестью не мучаясь. Манве послал следователя с профилактической беседой, но без толку. Королю № 13, правившему тогда, как-то вдруг очень не захотелось помирать, так что увещаний на тему «Каждому — свое» он не слушал. И с тех пор все нуменорские короли с приближением старости мечтали отдалить время смерти, да и остальные жители тоже переняли эти настроения. Самым подлым образом они хотели жить, а когда все же помирали, то обижались при этом чрезвычайно.

И стало убывать блаженство Нуменора — осознав, что жизнь дается человеку лишь однажды и прожить ее надо так, чтоб не было стыдно за мелкое и незаметное прошлое, ударились нуменорцы в пьянство и разврат, грабеж и насилие. И лишь немногие, по-прежнему считавшие эльфов своими друзьями, не принимали участия в безобразиях и украдкой таскали цветы на гору, на заброшенную вертолетную площадку, которую Манве когда-то объявил святым местом Эру Илуватара.

А короли все сменяли друг друга на троне Нуменора, и каждый новый был могущественнее и глупее предыдущего. Дошло до того, что некий Ар-Фаразон (судя по имени, нечто среднее между фараоном и фармазоном) на склоне лет пошел завоевать Саурана, который без лишней суеты сдался в плен. Естественно, что всего лишь за три года Саурон смог окончательно испортить и так уже подгнивший Нуме-нор. Некогда благословенная страна окончательно превратилась в злобное тоталитарное государство, где процветали агрессивность, гегемонизм, реваншизм и антиваларизм. Ар-Фаразон покорял страны Средиземья, а когда там покорять было уже нечего, услужливый Саурон обратил взор своего престарелого друга на новую цель. И покрыли корабли все море, и загрели трубы — бедовый старикан двинулся завоевывать Валинор.

С веками и тысячелетиями, прошедшими от начала времен, характер валаров значительно смягчился. Они сквозь пальцы смотрели на порочный образ жизни нуменорцев и на то, что они творили в Средиземье под руководством Саурана (а творили нуменорцы там такое...). Наверное, Ар-Фа-разону и этот поход сошел бы с рук, если б он направлялся куда-нибудь еще, но тут было задето кровное.

Манве воздел руки и возопил к господу, а Эру Илуватар тряхнул стариной — грох, бабах, и не стало боле на свете ни Нуменора, ни нуменорцев. Только друг эльфов Элендил со своей первичной ячейкой смогли спастись и приплыть в Средиземье, везя с собою кой-какие полезные мелочи, а среди них — росток белого дерева. Этот тонкий прутик пророс из плода, который дало нуменорское дерево, которое, в свою очередь, было потомком эльфийского белого дерева, а оно являлось упрощенной копией серебристого дерева еще тех времен. Менее просветленные люди, узнав эту историю, поминали поговорку про «нашему забору двоюродный плетень», но друзья эльфов прямо-таки благоговели

перед растением.

А Валинор был окончательно изъят из мира и перенесен куда-то в другое измерение (отражение, параллельный мир, альтернативную реальность или еще что-то в этом роде), и лишь изредка смертные моряки милостью валаров забредали в те края и перед смертью успевали увидеть что-то такое, ну очень эдакое. Но возвратиться оттуда не случилось из них еще никому.

О КОЛЬЦАХ ВЛАСТИ И КОНЦЕ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ

АВТОРСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: Господа! Я циник, пошляк, издеватель и извратитель. Я обо... (глагол опущен) и светлых, и темных, и буду заслуженно бит и теми и другими. Благородные рыцари с деревянными мечами при встрече уже сейчас не подают мне руки, а что будет после того, как «Звирьмариллион» увидит свет, я даже и не знаю: возможно, меня насильно запакут в жестяные латы и устроят поединок чести на боевых вениках. Но:

при всем при этом я очень люблю трилогию «Властелин Колец», в которой гораздо меньше сволочного политиканства, унылого летописания и с понтом благородной горделивости, чем в любой из глав «Сильмариллиона». И поэтому я не буду дотрагиваться до истории колец своими грязными руками (хотя по мелочам там есть до чего дотронуться). Благодарю вас.

КОНЕЦ АВТОРСКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авари — эльфы-пофигисты.

Апановар — «последыши» (эльф.). Самое ласковое из прозвищ, которые эльфы давали людям.

Бор — один из вождей смуглых людей.

Борлах — сын Бора.

Борланд — 1. Сын Бора. 2. Фирма-разработчик программ для IBM PC.

Бортанд — сын Бора.

Боромир — сын Борона. Как ему удалось не стать сыном Бора — неясно.

Бродда восточноязычный — вождь племени восточноязычных людей, что выглядит достаточно логично.

Вестерносс — Нуменор по-немецки.

Гил-Гэлад — светлый государь, (см. Последний всеэльфийский царь.)

Даэрон — эльф из Дориата. Первопечатник Иван Федоров плюс гусяр Боян в одном лице. При этом подлец.

Илуватар — здесь не надо никаких комментариев. (Честное слово, это не я придумал, это в первоисточнике так!)

Имлах — отец Амлаха, и больше ничем неизвестен. Да и Амлах тоже так себе персонаж, так что лучше не будем о них говорить вообще.

Карагдур — скала в Гондолине.

Киргуду — шутка.

Куруфин умелец — один из сыновей Феанора, со скверным характером. Впрочем, у них у всех характер был не сахарный.

Махал — имя Ауле на языке гномов. Илуватар, когда Ауле показывал ему первых гномов, назвал его нахалом, и это имя, постепенно изменяясь, осталось за ним.

Мандос — валар. Имеет чин штандартенфюрера и ведет себя соответственно.

Орки — продукт работ Моргота в области генной инженерии. Интересны тем, что, будучи истреблены все до одного, способны почти мгновенно размножиться вновь.

Тар + еще что-то — короли Нуменора.

Феанор — великий эльф, без выходов которого история была бы скучной и пресной.

Халет — дочь Хальдада.

Хальдад — вождь Халадин.

Хальдан — сын Хальдара.

Хальдар — сын Хальдада.

Хальдир — сын Хальмира.

Хальмир — вождь Халадин. Если кто не понял, см. опять начиная с Халет.

Я — С.О. Рокдевятый, автор всего этого безобразия.